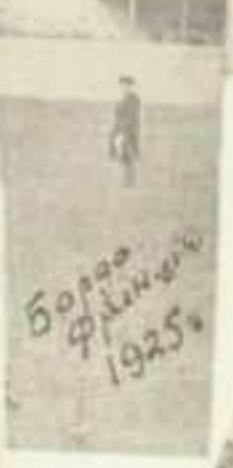

www.elan.ru

ПОЛКОВНИК Ф. ЕЛИСЕЕВ НА КОНЕ ПО БЕЛУ СВЕТУ

N 2

АВТОР В ДЖИГИТОВКЕ

НА КОНЕ ПО ВЕЛУ СВЕТУ.

/брошюра № 2/

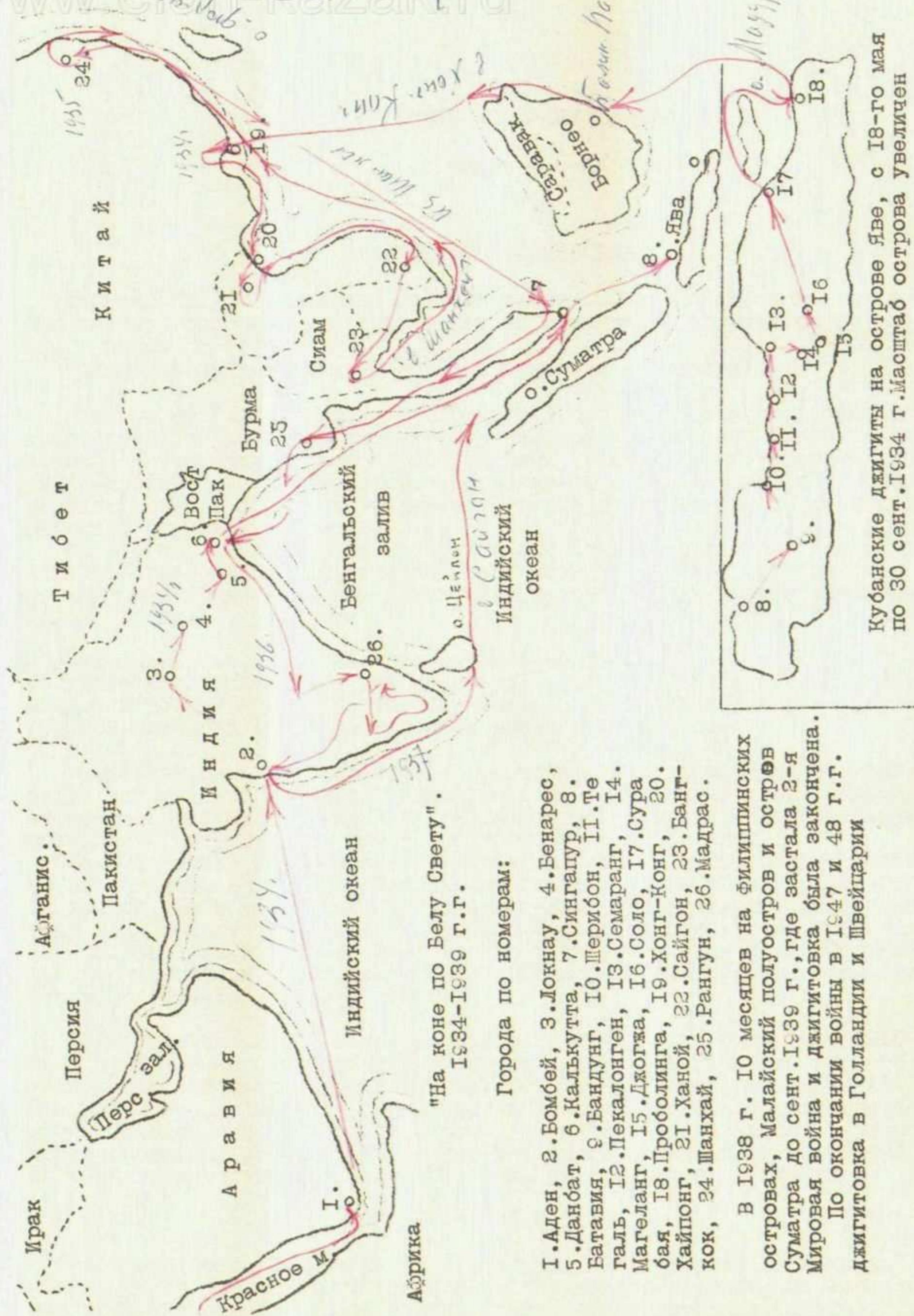
О Г Л А В Л Е Н И Е:

- 1.- В качестве предисловия.
- 2.- Джигитовка в Персии перед курдами в корпусе генерала Баратова в революционные дни 1917 года.
- 3.- Одна ошибка "молодости"...
- 4.- Размножение джигитских групп.
- 5.- Общественная работа в Виши.
- 6.- И в Париже.
- 7.- Одна страница в жизни генерала Шкуро.
- 8.- Мой отъезд на джигитовку за границу.
- 9.- С джигитами по Чехословакии, Швейцарии и Италии.
10. Путь в Индию...
11. В поезде по Индии...
12. Джигиты в Сингапуре.
13. И на острове Ява. Джигитовка казаков перед Султаном.
14. На пути в Хонг-Конг. Остров Борнео. Тайфун. Джигиты в Хон-Конге.
15. В Индокитае. Королевство Камбоджа. Королевский дворец.
16. В королевстве Сиам. Дворец и Пагода Короля. В гостях у принца Тюнгтикоп.
17. Джигиты в Шанхае. Казачий Союз.
18. В Сингапуре. На Малайском полуострове. На острове Пенанг. В гостях у командира Туземного полка Британской армии. Психологические картинки....
19. Географическая карта маршрута джигитов из Европы по Индии, остров Ява, Хонг-Конг, Индокитай, королевство Сиам, Шанхай, Малайский полуостров, Бурма, вновь Индия -- 1934 - 1936 годы.

- * -

Цена брошюры - 1 доллар. Выписывать по адресу:
Mr.Theodore Elyseev, 66 Ft.Washington Ave, Apt.25
New York. N.Y. 10032.

Будет выпущен № 3-й, как законченное турне "На коне по Белу Свету" - работа в южной части Индокитая, вновь в королевстве Камбоджа, на Малайском полуострове, в Бурме, год в Индии, на Филиппинских островах, на острове Суматра, где турне и закончилось в 1939-м году.

НА КОНЕ ПО БЕЛУ СВЕТУ.

/брошюра № 2-й/

В КАЧЕСТВЕ ПРЕДИСЛОВИЯ.

Джигитовка.... извечный казачий спорт.... эквилибристика на снаруженном во весь опор коне... снаружающем не в манеже, а несущемуся по широкому простору степи.

Когда она появилась?.... От кого переняли ее казаки?...

Если слово "казак" тюрко-татарского происхождения и, как доказывают некоторые историки, сами казаки есть выходцы из Азии, или смесь южных славян с остатками разных народов, живших в южных и юго-восточных окраинах Европейской России, которые переняли от монголо-татар некоторые ведения конного боя, их вооружения и другие воинские приемы, то, видимо, переняли от них и джигитовку?...

Но это не так. Мы хорошо знаем, что все Азиатские племена России, даже и наши Кавказские горцы, отличные наездники - но никто из всех этих племен не имел конного спорта джигитовки, какой имели казаки всех Войск Бывшей России.

Надо полагать, что у казаков джигитовка выработалась и установилась только с появлением казачьих полков в Императорской России, но - как, и почему и когда? - неизвестно. Возможно, как соревнование с регулярной русской конницей в разных и особых видах наездничества.

Мы, казаки, с ранних лет своего возраста видим джигитовку в своих станах, любим ее, восхищаемся выдающимися джигитами, но в своих описаниях ее, как спорта, как наездничества и удальства - подходим запросто, как к обыкновенному явлению у нас - без восторга и без красок.

Иные картинки получаются в описаниях ея людьми посторонних Казачества, или видящими ее впервые. Там она, джигитовка, полна ярких красок, восторга, восхищения и удивления над исполнителями ея. Как характерный показатель - я приведу описание джигитовки Кубанских казаков корпуса генерала Н.Н.Баратова, в Персии, перед водами Курдских племен и их отрядами - А.Г.Емельяновым, в своей книге "ПЕРСИДСКИЙ ФРОНТ", 1915-1918 годы, Издательство "ГАМАЮН", Берлин, 1923 г.

А.Г.Емельянов, юрист по образованию, северянин по рождению, в 1915-м году прибыл в Персию, в корпус генерала Баратова, в качестве видного деятеля Всероссийского Земского Союза. После февральской революции 1917 г., Временным Правительством, был назначен военным комиссаром корпуса, безотлучно находился при генерале Баратове и активно помогал ему в работе по оздоровлению войск. Он много видел и много знал. Описание событий его первом исключительно интересны. Вот одна из страниц о джигитовке.

ДЖИГИТОВКА.

"Это было летом 1917 года", так начинает свой рассказ Емельянов. "Уже прошли более 400 верст, до реки Диалы /предверье Месопотамии, Ф.Е./. Горные курдские племена опять заявили себя нашими друзьями. Генерал Баратов

решил использовать опыт прошлого. Еще с весны он вступил в переговоры с вождями наиболее влиятельных племен обоих Курдистанов - южного и западного - и предложил им приехать в Керманшах и Сенне для заключения Союза, куда обещал прибыть лично. Момент был выбран удачно. Преследование турок кончилось. Они были совершенно изгнаны с Персидской территории, а наши передовые отряды прочно занимали позиции.

6-го июля 1917 года, в окрестностях Керманшаха, в одном из богатых ханских имений, назначена была встреча с именитыми вождями Курдских племен. Баратов и Загю выехали на автомобилях в сопровождении нескольких офицеров. Курды хотели предстать перед представителями России во всей пышности и блеске своего положения.

Огромный двор ханского поместья походил на вооруженный лагерь. Сотни вооруженных людей передвигались в разных направлениях. Здесь были военно-начальники, украшенные оружием и патронами, с огромными разнообразными тюрбанами; секретари в скромных долгополых черных сюртуках; старшины и советники в коричневых аба; прислуга в синих мундирах с блестящими плоскими металлическими пуговицами. За оживленными группами стояли спешенные всадники с карабинами за плечами и патронташами, унизанными сверху до низу патронами так, что они стесняли свободу движений.

Вожди племен прибыли на съезд в сопровождении вооруженных отрядов. Во дворе поместья находились только приближенные свиты и охрана.

Количество всадников свиты определяло влиятельность вождя. Вооруженные же отряды расположились биваком на плато, в центре которого должны были происходить заседания этой своеобразной мирной конференции.

Вся равнина была покрыта черными пятнами всадников, палаток и дыма. Ночью, когда на биваках зажигались костры - можно было насчитать их сотни и тогда казалось, что на плато у Керманшаха, собрался весь вооруженный Курдистан!

"Переговоры о соглашении отняли мало времени. Меньше, чем обмен приветствий и последующие празднества. Условия и формы заключения договора были подготовлены своевременно. Эти соглашения имели очень большое значение и дали значительные результаты, т.к. оберегли на мало жизней наших казаков и солдат".

- * -

"Начались празднества. Сначала банкеты с огромным количеством участников, разнообразными персидскими и русскими кушаньями, речами и фейерверками, затем джигитовкой". Вот она в описании Емельянова:

"Из Керманшаха прибыла сотня Кубанских казаков. На открытом пространстве, обнаженной зноем равнины, заплясали красные маки. Здесь надо понимать красные башлыки за плечами казаков, Ф. Е. / Загудела земля. Сотня конных казаков промчалась как вихрь и исчезла в клубах желтой пыли. Через несколько мгновений, около десятка всадников мчатся полным карьером и, внезапно осадив перед центральной группой гостей взбешенных лошадей - останавливаются как вкопаные. Кони послушны, ручные.

Уже мчится другая группа всадников. Казаки на карьере быстро соскаивают с седел и, лишь дотронувшись ногами до земли, опять взлетают на коней. Они на полном ходу перелетают через спины лошадей с одной стороны земли, на другую.

Бешено промчалось четыре всадника, отдаввшись на волю Божью и коней своих. Они сидят в седлах, повернувшись спинами в направлении движения. Глаз не успевает проследить их. Уже унеслись далеко.

Целая группа, болеее десятка, промчалась карьером, стоя во весь рост на непрочной кривой казачьих седел.

Красные пятна /башлыки/ летят по воздуху. Казаки бросили на землю свои башлыки, поворачивают лошадей и, на полном скаку, легко подхватывают их с земли.

Полетели на землю мохнатые кубанские папахи и, мгновенным движением, всадники, перегнувшись в седлах, достают их с земли.

Карьером мчится лошадь, а на бону у нея, держась только ногами в стремени, опрокинув вниз голову, у самой земли, каким-то чудом, держится казак и через несколько мгновений, уже опять в седле....

Джигитуют и офицеры.

На разстоянии ста шагов одна от другой, установлены палки, а к палкам прикреплена лоза. Таких палок шесть или семь. Столбики, а на них большие красно-желтые гранаты.

Уже засверкали у всадников щашки. Скачут они к лозам и широким, верным ударом, рубят лозу пополам.

Вот промахнулся один. Лезвие щашки раз секает лишь воздух, а следом за ним офицер, удалой рубака, на полном карьере, пополам раз секает гранат. На знойную землю упали кровавые брызги граната, а части его рассыпались зернышками....

Долго тешили казаки зрителей, а когда командир сотни взмахнул рукавом черкески - все к нему, как стая ручных птиц. Собрались и замолкли. Затем, по команде, только им одним ведомой, разсыпались на горячих конях в разные стороны и давай джигитовать - кто во что горазд.

Гудит земля... в облаках пыли мчится сотня лошадей... мелькают красные башлыки... Всадники беснуются - прыгают с коней, опять вспрыгивают, мчатся на одной лошади по-два и по-три - стоя, сидя, спиной в седлах, рубят лозу и гранаты и стреляют в воздух... Пыль заволокла все - и коней, и всадников их, и зрителей...

Умчалась далеко по полю сотня и уже через несколько минут, конным строем, во главе с командиром сотни - шагом проходит перед публикой.

Джигитовка кончилась. Толпы курдов окружили казаков. Они весело кричат и приветствуют кубанцев.

Джигитовка удалась и, в изысканных выражениях, вожди курдов высказывают Баратову свою признательность". /стр.158,159/.

- * -

По описанию Емельнова - "сказка окончилась". Прочтя это - на душе стало и радостно и грустно. Радостно потому, что:- джигитовали Кубанские казаки. А грустно потому, что - не известен Кубанский полк, от которого они выступили. Как и неизвестна фамилия командира сотни джигитов.

Несомненно одно, что сотня джигитов была из основных полков его, генерала Баратова, 1-й Кавказской казачьей дивизии, которой он командовал еще в мирное время - 1-й Запорожский, 1-й Уманский и 1-й Кубанский полки, с которыми, из под Сарыкамыша, он был переброшен в Персию в октябре 1915 г.

Грустно еще и потому, что все это описал русский человек, к тому же штатский, но до сих пор, никто из Кубанских казаков, в особенности из старших офицеров, не описал событий в 1. й Великой войне 1914-18гг. о храбрых полках Родного Войска, о его доблестном офицерстве, урядниках и казаках.

Пройдет еще один десяток лет и в живых останутся единицы участников и те умрут, не оставив и следа о величии Казачьего духа.

И эту джигитовку дали казаки в полны развал всей многомиллионной Российской армии... Вот в чем сила и величие духа Казачьяго!

Ввиду открытия военных действий России против Германии и Австрии 19 июля 1914 года и возможности выступления Турции против России - наша Отдельная Закаспийская казачья бригада /1-й Таманский, 1-й Кавказский полки и 4-я Кубанская казачья батарея/ из Туркестана выступила на Кавказ. 2-го сентября, у станции Шахтахты Эриванской губернии, перешла Русско-Персидскую границу и 8-го сентября, сосредоточилась в г. Маку/Макинское Ханство/, в 20-ти верстах восточнее Персидско-Турецкой границы, против крепости Баязет.

Войне против Турции об, явлена была только 19 октября. И вот, с 8-го сентября и до 19-го октября, полки, сотенными охранениями стояли в непосредственной близости около Турецкой границы, своими офицерскими сильными разездами освещая всю местность, сплошь заселеное курдискими селами и кочевьями, с которыми мы близко соприкасались, гостили у некоторых "беков" в кочевьях и полюбили их.

Потом, с началом военных действий и до конца 1915 года, полки вели бои исключительно против курдов. Взятие Баязета, Алашкерской долины, Даирского Прохода в направлении к Сары-камышу... С весною 1915г. "Ванская операция". Потом поход на Джулаймерк, в предверье Месопотамии. Везде курды, курды и немного Турецкой регулярной пехоты Халил-бея. И несмотря на то, что курды были наши враги - они нам нравились. Рослые мужчины, хорошо сложенные. Бритые бороды и густые черные усы в стороны. Как кочевой народ - они полуразбойники. И в селах - все вооружены винтовками и ножами. Маленькие прыткие лошади под ними, но с примитивными седлами. Они - иррегулярная турецкая конница. Правил езды нет. Они скачут, кричат, визжать, абросившись с коня и открыв по нас огонь - его лошадь, как верная собака, стоит тут- же. О джигитовки они не имеют никакого представления. Вот почему, увидев ее у казаков - они пришли в неописуемый восторг полудикаря разбойника.

ОПЛОЩНОСТЬ МОЛОДОСТИ...

Бывают случаи и промахи в жизни человека, которые меняют жизнь его. Он произошел со мною. В 1923 г., из Праги, я получил письмо от генерала Сидорина, бывшего командующего Донской Армией. Он писал, что в Гельсингфорс /Финляндия/, приезжает председатель "Земгора" Брушвиц и если я запишу в члены "Сельско-хозяйственного Казачьяго Союза" - Брушвиц выхлопочет мне визу, на казенный счет перевезет в Чехословакию и я буду принят в один из университетов. Я был 100%-й "атаманец". Об, единственный Совет Дона, Кубани и Терека был для меня высшей инстанцией, директивам которого я должен следовать. Психология тогда была такова, что - "с весною, Русская армия генерала Врангеля двинется на красную Москву вместе с нашими Атаманами", то - какой-же может быть вопрос о моем поступлении в университет!...?.. Кроме того, бросить своих казаков в Финляндию, атаманом коих я был и все время готовил к войне "с весною" иль "в следующую весну" - непозволяла совесть. Я был еще холост. И вот - отказался от столь серьезного и прекрасного предложения. Кроме того, "Сельско-хозяйственный Казачий Союз" я считал "левой организацией", идущей против Войсковых Атаманов.

И еще причина: - я воин по призванию, жду приказа от своего Войскового Атамана, а мне предложено изучать "сельское хозяйство".... Все это было с моей стороны непростительная и непоправимая ошибка. Даже НЕ кисмет.

Генерала Сидорина я никогда не видел, как и он меня, но о нем - кто он? - я отлично знал еще по гражданской войне. Думаю, что ему рекомендовали меня там наши Кубанские Общественные деятели, по моим статьям в газете и журнале "Казачьи Думы", решив вызвать на светлый путь науки. Так жаль.

И конечно, окончив университет, имея специальность высшаго образования - я бы не думал о джигитовке, хотя и любил ее безумно, как и был в ней очень силен и потом, в 1933-м году, не двинулся бы зарабатывать "хлеб на-сущный" для семьи "На коне по Белу Свету".... о чем и расскажу дальше, - как все это случилось. Все это "ошибки молодости", о чем так сожалею.

РАЗМНОЖЕНИЕ ДЖИГИТСКИХ ГРУПП.

Саказан, со своей большой джигитской группой в Англии обанкротился. Незаплатив жалованье участникам - он вернулся в Париж и распустил всех, - джигитов, музыкантов, певцов, танцоров. Многие стали "бездработными".

Вкушив сладость вольготной жизни артиста - некоторые не хотели ис-
кать работы в ожидании новой джигитовки, для которой предпринимались ша-
ги активных. Живя в Виши, состоя атаманом Кубанско-Финляндской станицы,
имея наше общежитие, к тому же, будучи семейным - я мало интересовался
новыми перспективами о джигитовке и что творилось в Париже, в главном
центре джигитов, музыкантов и певцов. А работа активных продолжалась и
закончилась успешно. В конце марта 1926 года, одна группа джигитов, музы-
кантов и танцоров, в составе чуть выше 40 человек, под управлением Ку-
банского генерала В.Д. Савицкого выехала в Америку, в цирк, а другая груп-
па, выше ста человек, под руководством инженера Мелихова, донца, и кубан-
цев сотника С.И. Проценка и войскового старшины А.Г. Хлус, выехала туда-же
в конце апреля. С этими группами уехали некоторые мои "финляндцы".

Донские джигиты, под главенством полковника Н.Я. Шляхтина формировали
свою группу для работы во Франции и Бельгии.

Уехали многие и все замолкли, как в августе месяце получаю письмо из
Парижа от генерала Шкуро, который настоятельно просит меня влиться в
его группу для турне по Германии. Изуважение к нему - соглашаюсь.

Группу составили около 30-ти джигитов и танцоров-казаков и отличный
хор в 30 человек, сплошь офицеры Добровольческих частей. Все они также,
как и мы, в ческах.

Шкуро - директор всей группы. Он имеет контракт с немецким евреем
Финкенштейном, а мы имеем личные контракты с есаулом Саввой Панасенко.
Первое выступление в Дюссельдорфе, в сентябре исчисление 1926г.

Что произошло между Шкуро и Финкенштейном, а потом у Шкуро с Панасенко - я не знал. И не старался узнать. Дело касалось некорректной выплаты
жалованья со стороны Панасенко. Хор вышел из подчинения ему и решил
иметь дело только с Финкенштейном, имея во главе генерала Шкуро, только
для представительства. На общем собрании с джигитами, избрано было "прав-
ление группы" - автора этих строк "шефом", т.е. главой артистического ан-
сабля и помощниками войскового сташина А.П. Криклиевого и сотника Г.С.
Рябчуна. Казначеем - Донского Войска полковника Ященкова.

Труппа была переброшена в Бреславль. В закрытом просторном стадионе,
под названием "Столетний Стадион", в течении месяца шли представления.
Успех казался хороший, но денежно такую большую группу выдержать не мог.

Группа закрылась. Хор, назвав себя "Уральский казачий", в тех же чес-
ках, стал работать самостоятельно. К нам, к джигитам прибыл агент из
первоклассного немецкого цирка "Саразани" и предложил свой контракт.

Для меня лично, как главе джигитов, условия были в особенности хороши,
но я никак не мог себе представить - "как это можно джигитовать в цир-
ке", на пятаке?!

К тому же, оставшийся за станичного атамана в Виши казак пишет, что
станица недовольна моим отсутствием... Жена же пишет, что ее обворова-
ли случайные люди. И жена и казаки просят вернуться. Учтя все это - отка-
зался от контракта и вернулся в Виши.

Как и писал в №1-м - джигит должен быть холост. К тому же, нельзя быть
в разъездах и заниматься общественной деятельностью.

Мои помощники - Криклиевый, Рябчун, Ященков и др. джигиты, поступив тог-
да в цирк - много лет продолжали работать в нем, в других цирках, и
хорошо зарабатывая, жили вольготно. Они не были женаты и потому свобод-
ны в своих действиях и мышлениях.

ОБЩЕСТВЕНСКАЯ И ВОИНСКАЯ РАБОТА В ВИШИ.

После отбытия контракта на Испанской границе и переселения нашей станицы в г. Виши - там не было никакой русской и казачьей организаций, кроме церковного прихода и отличного хора при нем. Наше появление произвело сенсацию. Городок небольшой. Все русские и казаки живут в восточной окраине его, а зданий наше общежитие-ферма. По вечерам разливаются стройные песни, а по праздникам мы щеголяем по городу в белых папахах, темно-синих гимнастерках и бриджах, в ногавицах. - "мои финляндцы"-

В конце августа 1925 года, вернулись после лжигитовки, еще больше окрепшие в щегольстве воинского духа.

Бестный священник получил из Парижа уведомление - командировать представителя от Русской колонии на общее собрание Российских организаций, назначенных на 13-е сентября. Собрание россиян в Виши вел генерал-майор А. Корнилов, бывший директор Хабаровского кадетского корпуса. Делегатом был избран автор этих строк. Об этом с, езде теперь забыто и нет смысла писать - что там решали. - * -

В конце октября 1924-го года. станица прибыла к Испанской границе для отбывания 3-х месячного контракта на химический завод /карбит и синамит/. Завод в пыли ядовитых газов. Рабочие испанцы, португальцы, арабы и немного русских воинов Добровольческой армии. Общая кантина - что-то страшное. Казаки-финляндцы в белых папахах и в бриджах с ногавицами появились анахронизмом в этой черноте завода и рабочих. На наше счастье, здесь существовала "Армейская группа Обще-воинского союза". Старший ея, штабс-капитан, видимо, из учителей, принял нас "за воинскую часть" и обещал помочь устроиться как можно лучше. Мои казаки совершенно не хотели жить и питаться в кантине вместе "с этим сбродом людей". Со штабс-капитаном пошли к директору завода. Он доложил ему, что прибывший с казаками полковник офицер Императорской Армии, участник Мировой войны и просит дать казакам отдельный барак и иметь свою семейную столовую. К тому же, добавил, что три казака имеют жен и они не могут жить в общем бараке.

Все это было разрешено и мы, станицею, заняли изолированный барак, имея свою семейную кухню.

Что писал этот штабс-капитан в Париж генералу Шатилову, как начальнику Воинского Отдела на Францию и Бельгию, я не знаю, но от Шатилова я получил предписание - "Как старшему в чине, возглавить здесь "Армейскую группу Русского Обще-воинского Союза".

Мы в Виши. Люди еще не были искушены в политике. Интересуясь событиями - образовали "Союз Русских офицеров", председателем коих избран был я. Центр находился в Париже. Связались с ним. Генерал Шатилов предлагает мне организовать в Виши и возглавить "Армейскую группу ". Отвечаю, что без согласия Войскового Атамана генерала Науменко не могу - получаю ответ;

"Вам должно быть известно лучше чем кому другому, что Главное Командование никогда не делало различие и не делает различие между казаками и не казаками в вопросах посильной помощи в трудную минуту жизни. В частности - когда шла речь о помощи Вашей группе казаков для перевозки ее из Финляндии во Францию, то никому ведь в голову не пришло просить для этого разрешение Кубанского Атамана генерала Науменко".

Письмо датировано 19 октября 1925 года №2541. Я дал свое согласие.

- * -

Председатель Зарубежного Союза русских военных инвалидов, генерал Н.Н.Баратов, официальным письмом ко мне от 14 апреля 1927 года № 150,

просит меня устроить "День Русского Инвалида" в Виши. Мобилизуются все силы - казаки, офицеры, дамский комитет, молодежь. В нашей станице большая столовая. В ней концерт, буфет и танцы. А на другой день, казаки в черкесках, дамы в русских и украинских костюмах, веером разсыпались по городу с запечатанными кружками от администрации города.

В следующем году был устроен "3-ий День Русского Инвалида". Всего за два дня собрано было свыше 5-ти тысяч франков и отправлено на имя генерала Баратова. По тем временам сумма была солидная. Рабочие зарабатывали 700 - 800 франков в месяц.

"Дорогому сотруднику по "2-му Дню Русского Инвалида", доблестному Кубанцу полковнику Елисееву, в память добрую об отлично организованном им соборе в г. Виши 22 мая 1927-го года - от благодарного Председателя всех 5.000 русских военных инвалидов. Н. Б а р а т о в" - с твою собственноручною надписью прислал мне генерал Н. Н. Баратов газету-журнал "Русский Инвалид" №3-й от 22 мая 1927 года.

За устройства "3-яго дня Русского Инвалида" - получил газету-журнал "Русский Инвалид" № 4-й от 22 мая 1928 года, на которой, вверху, крупными золотыми буквами было -

ПОЧЕТНЫЙ НОМЕР ПОЛКОВНИКУ ЕЛИСЬЕВУ

и благодарственная грамота, за подпись генералов - Баратова, Кальницкого и Позднышева.

... И В ПАРИЖЕ.

До 1930-го года мы недождались "весеннего похода на красную Москву". ... Но пыл надежды не остыпал. Жизненные же события шли своим чередом. Несколько казаков станицы уехали на джигитовку в Америку и не вернулись. Большая половина ея, казаки станицы Ильинской, с подхорунжим А. И. Дейнега выехали на юг Франции, в район г. Тулуза, сняв там в аренду большую сельско-хозяйственную ферму. Некоторые нашли работу в других городах, а пять человек вернулись в советскую Россию. Станица умерла... Я с женой выехал в Париж, где поле деятельности на Казачьей Ниве, находил более возможной и широкой.

Здесь вошел в состав Кубанской станицы; и скоро был назначен Войсковым Атаманом генералом Науменко, быть его представителем для сбора денег в "Фонд Освобождения Родины".

На мой призыв, казаки добротно откликнулись. За шесть месяцев пребывания на этом посту, собрал 7.599 франком и выслал в Войсковую казну на имя генерала Науменко.

Но это не было "живое дело". О Казачестве надо писать. Образовал - ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ КУБАНИ, и избран был его председателем. За короткий промежуток времени выпустили богатейший по содержанию и внешности журнал "РОССИЯ" №7, посвященный целиком Кубанскому казачьему Войску с 50-ю снимками и гравюрами, в который прислали свои статьи Атаманы - Богатеский, Науменко; генералы П. Н. Краснов, Акулинин; полковники Тихоцкий, Слюмакин и некоторые казачьи общественные деятели. И потом, три специальных номера о Кубани, историко-литературный и иллюстрированный журнал, под заглавием - К у б а н с к о е К а з а ч е с т в о".

Тираж РОССИИ № 7 - 2.000 экземпляров, а КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО - под №№ 1, 2 и 3-й - по 1.000 каждый. Все разошлись полностью и теперь это есть редкость. Но... "весна похода" еще не приходила...

ОДНА СТРАНИЦА В ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА ШКУРО.

В 1926-м году, после окончания нашей джигитовки в Бреслау - он остался некоторое время жить в Германии. Намекнул мне, что он вошел в связь с немецкими офицерами, а для какой надобности - не сказал. Потом он вернулся в Париж и, как и раньше, жил очень скромно, если не сказать, что жил очень бедно. Он нигде не работал.

В Париже я имел маленький русский ресторан. В нем центр нашего "Общества Ревнителей Кубани". В нем справлялись иногда и казачьи празднества. Заходил иногда и генерал Шкуро. И вот, в один из дней, думаю 1932 года, утром, когда еще никого не было из посетителей, вошел человек к маленького роста в ветхом пальто с поднятым воротником, в шляпе насынутой глубоко на лоб и в черных очках. Вошел тихо и сел за столик, не снимая шляпы....

Несмотря на такой "маскарад" - я сразу же узнал в нем Андрей Григорьевича. Немедленно же подойдя к нему, спрашиваю - что с ним?

"Садись, Федя, притив меня, говори тихо, и вначале выслушай меня" - так начал он. И продолжил:

"Пять дней тому назад я выслан из Франции в административном порядке, вот почему я в таком костюме... но мне ехать некуда" ... и передохнув, тихо спрашивает:

"У тебя черкеска есть?"

"Конечно, есть", отвечаю ему.

"С погонами?" - добавляет он.

"Могу вшить и погоны" - уж весело поясняю.

Вновь передохнув, словно набираясь сил - вдруг он твердо говорит:

"Завтра, к 10-ти часам утра, в черкеске с погонами, приходи ко мне во французский ресторан на рю Виктор Гюго и в баре, у хозяина, спроси "такого-то"... я там живу под другим именем.... и мы поедем с тобою в одно место".

Не спрашиваю - куда, к кому и зачем мы должны поехать - задаю ему свои вопросы:

"А ты, Андрей Григорьевич, так-же будешь в черкеске?"

"Да" ... коротко бросает он.

"И в погонах?" - допытываюсь.

"Ну конечно!" - фиксирует он.

"Слушаюсь, Андрей Григорьевич" - радую его своим согласием.

- * -

На следующий день, одеваю черкеску с погонами, папаху под мышку, сверх штатское пальто и шляпу. Я на рю Виктор Гюго. Чевзрачный ресторан "с номерами". У бара крупный толстый хозяин-француз. Спрашиваю - в каком номере живет "некто"? Он повернулся ко мне всем телом, свирепо посмотрел в мои глаза и грубо ответил - "такого у меня нет" ... и отвернулся, занятый своим делом. Это показалось мне подозрительным, вернее, я понял, что он скрывает правду. Тогда я называю имя генерала Шкуро.

"На 2-м этаже... комната № такой", коротко произнес он не глядя на меня.

Поднялся на 2-й этаж и коротко стукнул в дверь.

"Ки ля? /кто там?/- слышу негромкий голос генерала по-французски.

"Это я... Елисеев" - отвечаю ему по-русски.

Щелкнул замок, открылась дверь и я вижу Шкуро в белой рубахе-бешмете, в сапогах, а на кроватке маленькой комнаты - распластанную черную черкеску с погонами генерал-лейтенанта.

"Спасибо тебе, Федя... я боялся что ты не приедешь" коротко сказал он, и стал одеваться в мундир генерала. Сверху пальто и шляпа. Вышли на улицу.

На углу взяли такси и двинулись, а куда? - я не знаю. Едем молча. Миновали город и только здесь заговорил Шкуро.

"Ты почему не спросил - куда мы едем? - как бы удивленно задал он мне вопрос.

"Андрей Григорьевич.. если ты сам едешь в черкеске и в погонах генерала, то чего-же я буду спрашивать - куда и зачем?

Мой ответ ему, видимо, понравился. Он улыбнулся и продолжает:

"Мы едем в Бэлльвью, в загородную дачу бывшего Походного Атамана всех Казачьих Войск, к Великому Князю Борис Владимировичу. Тебя я представляю как моего "штаб-офицера для поручений". Он обещал дать мне рекомендательное письмо к Регенту Югославии, с которым он в родстве. Вот почему я должен представиться ему с некоторым антуражем" - закончил он. Теперь я улыбнулся.

Машина вошла в широкие ворта. По траве расбросанные деревья, Свежо и уютно. Машина идет чуть вверх, к самой даче. Издали бежит к нам кто-то в белом кителе при штатских брюках. Шкуро остановил шофера.

"Это лейб-казак... в услужении князя" - коротко бросил мне Шкуро.

"Здравия желаю, Ваше Превосходительство" - молодецки бросил фразу он. "Его Высочество еще спят... вчера поздно вернулись с бала... подождите в столовой" - добавил лейб-казак донец.

Сняв пальто - остались в мундирах. Разматриваем военные гравюры на стенах. Все скромно, благородно. Через полчаса послышались шаги человека, спускавшегося со 2-го этажа, с мезонина. Выше среднего роста, хорошо сложенный, чуть склонный к полноте, легкими пружинными шагами по лестнице - пред нами появился князь - живой, веселый. Его я видел осенью 1916-го года, когда он инспектировал наши полки 5-й Кавказской казачьей дивизии в Карсе. Тогда он был молод и подтянут воински, и был в форме Донского Войска. Теперь на нем спортивный костюм - белая рубашка-распашенка, широкие брюки для игры в "гольф", длинные чулки до колен, коричневые ботинки. Поверх всего - легкий коричневый пиджак.

Мы подтянулись. Шкуро произнес "Здравия желаю Ваше Высочество" и потом, указывая на меня, аттестовал: - "мой штаб-офицер для поручений, полковник Елисеев". Нам обоим он пожал руку и немедленно же пригласил к столу, "на завтрак". На столе в четырехгранной бутылке водка, два сорта вина. Слуга подал на широком блюде яичницу-гзалунью в 20 яиц.. Князь извинился, что княгиня "еще не готова и не может выйти к столу". Шкуро отказался от водки, и только пригубил вино.

"А Вы, полковник, пьете водку? - спросил князь. Что бы не оставить князя в одиночестве - ответил согласием. Он сам налил в наши рюмки и, особенным жестом поднял свой бокал, жестом благородным, как человека высшим над всеми - нечокнувшись - неторопясь выпил до дна.

Говорили Шкуро и князь, больше о былом. Как они вели себя, я заключил, что генерал Шкуро бывал здесь не раз. Потом Шкуро поведал - "зачем он прибыл сюда".

Сверху появилось новое лицо в штатском и село вдали от нас, но не за стол. Обращаясь к нему, князь предложил написать частное письмо к Регенту Югославии, кажется к князю Петру, прося помочь генералу Шкуро, когда он прибудет туда. Письмо было короткое, на котором князь написал только два слова - "твой Борис".. Распрощались и уехали к себе в Париж.

На второй день Шкуро вновь прибыл ко мне в ресторан в том же костюме "маскарада". Закусили и он рассказал, что у него было свидание в Париже с двумя немецкими офицерами по политическому вопросу, полиция узнала и за это его высылают.

"Мне тяжело и страшно быть одному.... Проводи меня, Федя, до "метро" /"собвея" по американски/ - закончил он свой рассказ.

Ближайшая станция "Гобелен". Подошли, остановились. Успокаиваю его. Потом разцеловались.

"Подожди меня здесь, пока я сойду вниз", печально, тихо произнес он и мелкими неторопливыми шагами стал спускаться. Я смотрю в спину маленькой невзрачной фигуры признано Кубанского Героя и... как он не похож на него в своем убогом рубище... Мне стало безконечно жаль этого героя-казака.

Сойдя на площадку, он остановился, повернулся ко мне, печально посмотрел в мою сторону, не произнес ни одного слова и не сделав никакого прощального жеста - скрылся за угол. Больше я его не видел на этом Свете...

В 1945-м году он был выдан в Льенце и повешен красными в Москве в 1947-м году.

МОЙ ВЫЕЗД НА ДЖИГИТОВКУ.

-ром-

Мне надоело быть ресторатором. Воинской старшина А.П.Криклий и казак Д.Ав.Кривчун, имея свою группу джигитов - работали в Германии. Давно они зовут меня к себе "быть кампаньоном". Продал ресторан, получил визу и собрался в путь.

Жена "в положении" родить дитя. Волнуется. Почувствовала себя плохо. Везу в госпиталь. Сестра милосердия повела ее куда-то, а через полчаса возвращается и говорит, что ее можно видеть только завтра, в Воскресенье, с 2-х до 4-х часов дня. Я же должен выехать в Чехословакию в понедельник.

В Воскресенье я в госпитале. Жена в постеле. У стены люлька. В ней что то лежит. Жена веселая и совершенно здоровая. Целую ее в губы и спрашиваю - когда будут роды?

"Уже... и еще вчера, через полчаса, как ты ушел" - вдруг слышу от нея. "И вот там, в колыбели, лежит дочка" - добавляет.

Уже родила и родила "дочку" - меня "убило". Как потом она сказала - от этих слов - я побледнел. Что бы успокоить - она весело добавила:

"Нет, Федяша, родила сына-казака... пойди посмотри и возьми на руки". Да, это был сын. Взял на руки. Он схватил меня за большой палец и не отпускает. Я рад. Я отец, впервые отец в свои 40 лет от рождения.

Часы приема закончены. Распрошавшись с женой - вышел. Ее встретил через один месяц в Вене, а сына... через три с половиною года в восточной Индии, в городе Мадрас, который ни одного слова не знал по-русски, воспитываясь во Франции. Как и не знал и не видел никогда своих родителей.

Когда пишутся эти строки, сыну идет 32-й год от рождения. Родился он 11 марта 1933 года. Владеет русским, французским и английским языками.

С ДЖИГИТАМИ ПО ЧЕХОСЛОВАКИИ, ШВЕЙЦАРИИ И ИТАЛИИ.

У Криклия, с джигитами, была и "капелла" человек в 20, т.е. балалаечный оркестр, они же и певцы, танцоры. Джигитов 10 казаков - кубанцы и терцы. Организация мне не понравилась. Да и артисты были второстепенного качества. Вся же "соль" труппы, была в джигитах.

С обыкновенным успехом прорезали Чехословакию в 1933-м году с 15-го марта по 5-е апреля по городкам и селам - Берун, Хоржовица, Рокисани, город Пильзен, Шаст, Добрани и Престис.

Труппа переехала в Вену, где в цирке "Централь" имела свои выступления с 5-го мая и до 29-го июля. Дела там не были блестящи, но мы имели возможность видеть политическую ситуацию, как партиотическую манифестацию канцлера Дольфуса на Пратере, его лично в ней верхом на коне, потом его смерть и захват государственной власти в Австрии сторонниками Гитлера.

Ситуация переменилась. Капелла была упразднена и группа джигитов, по контракту, переехала в Швейцарию, в национальный цирк братьев "КНИ". Здесь мы получили полное удовлетворение и в работе и жизни в этой благоустроенной

ной стране. Чистота. Тишина. Достаток и спокойствие населения, много веков не ощущавшего на себе тяжести и разрушения войнами. Твердая и высокая валюта. Горы, долины, леса, туннели, озера, озерца мелькают перед вашим быстро несущимся поездом. Красивая, разнообразная страна и по местности и по населению - немцы, французы, итальянцы, а все вместе взятые - они швейцарцы.

В стране три государственных языка - немецкий, французский и итальянский.

Наше первое выступление в Лозанне, на северном берегу Женевского озера. Райский уголок. Город на скате. Весь в зелени. Много солнца, а с озера дышит прохлада.

Наш "казачий номер" является заключительным в программе цирка. Джигиты первоклассные. Трое из них - Криклий, Кривчун и Сопильняк пролазят под живот скачущей лошади. Отличные танцоры лезгинки с кинжалами - Сопильня, его жена Зина, родом армянка и Кривчун. Я не тацевал лезгинку, считая этот номер не солидным для моего чина и возраста. Потом, начиная с Индии и до конца джигитовки 1939-го года, психологически я переменил свое мнение. Все в жизни относительное...

Города - Эгль, Фрибург в глубоком ущелье. Из него в Беллинзона через туннель Сан-Готтардский перевал. На последней станции перед перевалом - бежим посмотреть памятник в скале генералиссимусу Суворову.

"Доблестным сподвижникам Генералиссимуса, Фельдмаршал Графа Суворова-Римнского, Князя Италийского, погибшим при переходе через Альпы в 1799 году" - читаем мы внизу каменного креста в каменной скале и сердца наши наполняются гордостью.

Альпы суровы и сейчас. От них веет дикостью и суровостью. Мгла окутала их и вверху ничего не видно, только шумят и бурлят вниз многие водяные потоки.

Цирк переброшен в Локарно, на северном берегу Лаго Иаггиоре. Как и в Беллинзона - здесь тепло, на севере висят сугробы Альпы.

Новый райский уголок город Лугано, на озере Лаго Лугано, восточная часть которого принадлежит Италии. Узенькая полоса озера разделяет два государства, которое проходит наш туристический баркасик безо всяких задежек и мы любуемся нарядной формой одежды обоих государств в непосредственной близости от нас, как и они любуются неведомыми им людьми в нарядных цветных черкесках....

Небольшой городок Шиассо, через который проходит граница Швейцарии и Италии. Их разделяет высокая проволочная сетчатая стена, в которой железные решетчатые ворота. Через них проходят рабочие из своего городка, которых тщательно осматривают чиновники-швейцарцы на предмет недопущения контрабанды.

В таком маршруте джигиты прорезали благодатную Швейцарию со 2-го октября по 30-е ноября 1933г.

Перед закрытием летнего сезона - цирк переброшен был в Италию, в соседний город Комо. Что ярко бросилось в глаза после Швейцарии - это бедность Италии - и в постройках и в базарах.

В Комо, для выступления цирковых артистов - был снят театр. Из партера было удалено все. Сделан помост из досок. "Писта" / круг в цирке, на котором выступают артисты/ маленькая в диаметре, скользкая для лошадей. Работать было тяжело и опасно. Вся публика на хорах, в ложах в три этажа - представление смотрит сверху. Пафос работы терялся.

В этом городе закончился летний период работы цирка и все артисты раз, ехались по своим домам и странам. Мы же, без родины, с Нансеновскими паспортами - ехать "домой" нам было некуда... Имея переписку с русским цирком, работающим в Индии - зиму решили провести в Комо. Отсюда начался "аш новый путь "джигитского турне" по странам дальнего юго-востока Азии.

ПУТЬ В ИНДИЮ.

С директором русского цирка в Индии, Ф. Я. Исако, письменно договорились. Жалованье каждому джигиту 25 английских фунтов в месяц. По тому времени, оплата работы артиста была первоклассная. Перевоз людей и лошадей из Италии в Индию - за счет цирка. Транспорт будет оплачен только тогда, когда в Индию прибудет представитель джигитов и подписан контракт.

С А. П. Криклиным, 26-го января 1934-го года, на итальянском пароходе "Виктория", из г. Генуи, выехали в Бомбей.

Промелькнул у Неаполя дымящийся Везувий и на трети сутки, после бурного пути по Средиземному морю, когда волны заливали даже и палубу, а холодный снеговой ветер пронизывал все тело - ночью, пароход бросил якорь в Порт-Саиде, у стыка Африки и Малой Азии. Мы были у берегов Египта.

На утро следующего дня - экипаж и пассажиров парохода не узнать. Все в белых тропических костюмах, с пробковыми белыми шлемами на головах. Странно нам это показалось потому, что в Италии лежал глубокий снег, в морском пути было исключительно холодно и вдруг - все так резко переменилось... и только мы, два кубанских казака, оставались все в тех же своих черных бешметах-гимнастерках, в темно-синих бриджах, в ногавицах через колена, подхваченных поясами и в черных папахах... Все зашнуровано в черное с головы до пят и нет никакого дыхания телу в окутавшей нас так неожиданно тропической жаре.

Пароход вошел в Суэзский канал и двинулся "черепашьим шагом"... Под горячими лучами аравийского солнца - с любопытством рассматриваем безжизненную пустыню справа и слева от канала, теряющуюся на горизонте. Кругом - песок, песок, песок... При нас карта канала пароходного общества, с надписями по-английски настоящих и исторических мест. Вот место, где по легенде, Моисей жезлом разsek Чермное море и по дну его, провел своих израильтян, бежавших из Египта... Теперь здесь песок да широкия "заводи". А вот путь Младенца-Христа с Матерью и Иосифом... По нем теперь проведена железная дорога из Египта в Палестину, которая теряется далеко в песках пустыни.

Суэзский канал... Он мелководный, с мутною водою и полузанесенными песком каменными берегами. Слева, на восток - ни кустика. Справа, на запад - жалкая зелень, изредка захудалый кустарник иль одиночные пальмы. Паралельно каналу, буквально в 10-ти шагах, тянется полотно железной дороги и шоссе. Изредка проносится автомобиль или видна одинокая фигура долговязого араба верхом на осле. То сухопутное сообщение англичан от Порт-Саида до г. Суэз, что у входа в Чермное /Красное/ море.

Редкая жел. дор. станции. Это, своего рода, маленький английский форт, с радиостанцией. Он-же маленький цветной оазис в пустыне.

За 12 часов времени, пройдя канал длиною в 169 километров - пароход остановился один раз, что бы пропустить встречный - насколько узок канал.

К вечеру подошли к ярко освещенному городку Суэз, раскинутому на Африканском берегу и, как-то неожиданно, словно нырнули в Чермное море. И в море - все та-же тропическая жара, парила нас ровно три дня пути.

2-го февраля, пароход остановился в порту Аден, у выхода в Аравийское море. Многие пассажиры сошли на берег. Мы так-же. Ни деревца, ни кустика кругом. Пустынно, дико, бедно, куда не глянет глаз. Коричневые, бритые, полу-голые арабы-грузчики, да ребятишки их, так-же полу-голые, с бритыми головами; с худыми тонкими длинными руками и ногами, снуют у ног европейцев, на-доедливо выпрашивающими "бакшиш" /подарок/...

Заглянули в их село. Вонь и грязь. Дурманит голову все это. Мы идем дальше, "ища воздуха иного"... А аравийский зной давит на голову и нет дыхания телу в наших черных "зашнурованных" казачьих костюмах...

У берега военный крейсер. На солнцепеке, и без того начищенные орудия

горят-глядят сурово во все стороны своими внушительными жерлами. Вшед-шему в порт своему коммерческому пароходу - крейсер отдает воинскую по-чество. Символично... На палубе снукоматросы во всем белом. Виден везде по-рядок, дисциплина. Впечатление такое, что если потребуется поддержания престижа своей колониальной политике - то от города останутся только одни развалины.... А для разведке, там-же, на крейсере - отдыхает авион... Все сильно интересно.

Через трое с половиной суток, 5-го февраля, пересекши Аравийское море, наш пароход подходил к Бомбею. Многие пассажиры высыпали на палубу. Мы впервые увидели индусов.

В темных кафтанах до колен, в узких белых брюках до ботинок, в пышных белых кисейчатых чалмах на голове, из которых выбивается вверх конусообразная позолоченная феска. Женщины в белых длинных "сари", которые охватывают тело от груди и до самых пят широкой материей "без швов". Оне черноволосы, черноглазы и очень стройны. Впившись глазами на восток, к обрисовавшемуся Бомбею - мужчины-индусы, всяк по себе и для себя - тихо поют что-то тонкими голосами. Они возвращаются из Англии к себе на родину, и я понял - насколько это приятно для них. Чувство Родины/с большой буквы/ великоле чвство. Потом и я на себе ощутил это, пройдя экватор и войдя на остров Ява.

После 11-ти дневного путешествия по морю - мы подошли "к обетованной земле джигитской" - в Индию. Бомбей - могучий морской порт Англии. Это есть ключь для входа в сказочную страну, в великую таинственную Индию, в страну чудес, фантиков....

Великий торговый порт и... тут-же военные крейсера Великобритании. Целый лес пароходных труб и высоких парусных мачт. Замелькали пестрые густые тюрбаны босоногих и безштаных носильщиков, словно стая голодных шакалов, по здешнему - "кули" - дешевых и рабски послушных. Тщательный просмотр багажа пассажиров. Кинжалы и шашки у нас были отобраны. Оружие, ведь, не для шуток и, даже, не для джигитских развлечений на коне!.. Здесь Индия, далекая колония Великой Британии и ввоз непозволительных предметов строго воспрещен. Но мы доказали свое миролюбие, уплатили налог и лишь на третий день нам вернули все.

Бомбей исключительно красивый город - смесь запада и востока. Огромные каменные здания в несколько этажей европейского или мавританского стиля. Прекрасно мощеные улицы. Большое движение. Идут трамваи сплошь переволненные индусами. Автобусы, такси, одноконные экипажи с красивыми лошадьми.

По тротуарам и во дворах, и в парках - пальмы, пальмы и пальмы без конца - высокия, стройная как тополь, с сизою гладкою корою, словно затянуты в замшевый чехол, переходящая в форму орудийного снаряда и оканчивающихся высоко, на верху, шапкой пышно раскинутых в разныя стороны ветвей с узкими иголочными листьями.

Англичан на улицах не видно, но они, их власть, чувствуется везде. Но индусов - это огромный людской муравейник - гудящий, все время двигающаяся толпа. Многие заполнив карнизы, выступы домов, или примостившись тут-же на корточках - беспечно отдыхают, дремлют, решают гуртами свои дела. И все это под открытым небом, при жарко палящем солнце. А с наступлением ночи - в городских садах, на скамьях, на тротуарах улиц - они разстилают циновки и, закутавшись с головою в легкую материю, днем служащую ему одеждой - не подвижно, словно мумии, погружаются в сон.

Вся жизнь здесь на улице. В этом отношении все здесь вольно. Под Божьим кровом - у индуза все здесь - и кров и дом. И при влчном тепле, при изобилии всевозможных плодов земли, при баснословной дешевизне их, при неприхотливости еды индуза, при примитивности одежды и религиозно-мистической

податливости к велениям природы, к необходимому послушанию и, даже, жертвенности - индусы, словно, и не думают о завтрашнем дне. Это, конечно, простонародье, рабочие или безработные, жизнь которых так резко бросается европейцу на улицах в их скученой, специфически восточной, массе. И тут-же два кубанских казака, в черных мрачных костюмах, гуляющих по улицам, рассматривающим и изучающим все - являлись полным анахронизмом /противообычным/ существующего. А жара парит нас, мы в поту и в бессилии отделаться от тропического климата.

Но тут-же, при больших домах и магазинах, встречаем пышные белые тюрбаны с позолоченными макушками фесок и, даже, выезды с гайдуками на запятках крытых экипажей индусов-богачей. Гайдуки богато одеты, но и они босы, как босы почти все индусы на улицах.

Сказочная Индия - смесь богатства и нищеты.

В ПОЕЗДЕ ПО ИНДИИ.

8-го февраля, в экспрессе по жел.дороге двинулись к месту своего стремления, в город Локнау, где работал цирк. Он в северной части Индии.

Поезд мчится с исключительной быстротой. Мелькают пролески, долины, бугры, сельца индусов, гурты пасущихся коз, рогатого скота и... группы обезьян. Уже зреет яичень. И это в феврале месяце. Поезд останавливается редко. На станциях услужливые продавцы всевозможных восточных сладостей, фруктов, чая, кофе и индусских блюд. Все баснословно дешево по европейским ценам. Порядок как и в Европе, хотя нигде не видно присутствие "белого человека-англичанина", властителя здешних мест.

Вот и Локнау. Большой город. В нем сильный гарнизон Британских войск. Вокзал запружен индусами. Все на полу - лежат или сидят на корточках. Не пройти меж тел. Кули наперебой берут наш багаж. Худые, узкокостные и слабосильные - они носят груз на голове: - густой грязный тюрбан ему в помощь. Что интересно, так это - запах здешней пыли-песка напомнил мне наш Туркестан, где я год служил офицером в г.Мерве Закаспийской области.

В цирк попали перед началом представления. И хозяин и артисты приняли нас исключительно радушно. Все они из Сибири жители, и русская простота и сердечность приема нас - были приятны. Мы попали, словно, в осколок былой России.

Квартиру нам отвели в индусской части города. До восхода солнца, с площади соседнего дома взалкал мулла к своим правоверным мусульманам. Днем существует свадебная процессия индусов. Группа женщин в ярко-цветных широких "сари", впереди которых идет оркестр - одна-две пищащих зурны, большой бубен, тарелки - идут куда-то. Музикальности никакой от оркестра, но дикого шума от бубна и тарелок много. Оркестр сменял нежное протяжное пение женщин. К удивлению я уловил мелодию, почти аналогичную пению наших женщин-казачек в свадебных напевах. Оказалось - то шла свадебная процессия. А вот идет и жених. Он в широком длинном зеленом халате, я бы сказал. На голове цветная матерчатая шапочка. В ушах и на пальцах иштура дешевых волец. Его длинный шлейф метра в два несут два юноши. Жених скромен, с потупленным взором. Женщины с безконечным количеством бус на шеях, браслетов на руках, кольцо на пальцах. Все женщины с серьгой на левой ноздре. Все ярко, как и примитивно. И все босы, даже и сам жених.

Вечером видели свадьбу богачей-индусов. Это - целый караван. Несколько усиленных оркестров, с неизменными - зурною, бубнами, тарелками. Шума, лязга - еще больше. Много факелов. Ведут величественных слонов с паланкинами, покрытыми дорогими коврами. Ведут коней ретивых под уздцы с седлами в золоченных испанах. Жених в носилках, а вокруг него слуги с опахалами. Позади

караван верблюдов с подарками. Толпы индусов всех возрастов запрудили улицу. Да и процессия движется медленно, порою останавливается, видимо, что бы подчеркнуть торжественность и дать народу разсмотреть - и жениха, и родичей его, и слонов, и коней ретивых, и верблюдов с дарами. И все это происходило поздно вечером, при темноте, при многочисленных факелах и, поистине - это была сказка, сказка "из тысячи и одной ночи". Но это бывает только у богачей. Масса же - живет бедно, много нищих. Сознание своих гражданских прав - никаких. Полное неравенство.

А вот похороны. На примитивных носилках из бамбука, закутанный труп бедными материалиями с головы и до ног открыто лежит на них. Четыре полуголых индуза, держа концы носилок на плечах, мелким торопливым шагом "бегут", в такт, под ногу, выкрикивая, видимо, священные слова, напутствуя покойника, а им вторят сопровождающие. И у всех веселые лица, т.к. умерший переходит в лучший мир.... Вот и пойми их

А вот "священные коровы"... откормленная и ручная. Это один из символов божества индусов. Они слоняются по улицам, питаясь лишь подачками и спят на улицах и тротуарах. Никто не смеет согнать их и тронуть: - они священны. Поистине - чудны дела за океаном.... Эти картинки мы впервые увидели в Локнау. Потом наблюдали еще более интересные в своем путешествии по центральной Индии.

Цирк передвинулся в г. Бенарес. Это священный город индусов на реке Ганг. Священна и река. Хоть раз в жизни выкупаться в ней есть необходимость правоверного. Некоторые секты тела умерших бросают в эту священную реку. На берегу ее всегда толпы людей. В городе много храмов с причудливыми изображениями разных божеств. Во всем видна примитивность и наивность.

В Бенаресе мы дали свое первое представление. Велико слово "казак" и исключителен их "номер джигитовка". Он всюду и для всех интересен, будь то - черный, желтый, краснолицый, коричневый иль бледнолицый зритель.

Казачий мундир... По контракту - мы всегда и всюду должны быть в черкесках. Ежедневно, верхом на лошадях, часовая прогулка по центральным улицам. Часто нас принимали за "мусульман Кавказа". А когда узнавали, что мы казаки - внимание и уважение усиливалось.

Дело в том, что среди индусов сохранилась легенда, что к ним из России должны прийти казаки с длинными пиками и освободить их от англичан...

Это, безусловно, отголоски неудачных походов русских войск в Индию при Царе Петре 1-м, да и другие, в которых участвовали только казаки.

Здесь пришлось встретиться с нашими соседями афганцами, такими жеростными и величавыми, каковых я видел в г. Мерв, где до войны стоял наш полк. Казачья одежда им была ведома. Они здесь ходят гуртами 5-8 человек с толстыми длинными сучковатыми пастушескими палками. В широких белых шароварах, в длинных широких белых рубашках поверх, тканый кожух до колен, на головах чалма. Среди них есть всегда старший. Кто они и зачем здесь? - не знаем. При встречах, они с кунацкой улыбкой приветствуют нас первыми - "Селям аллейкюме", при этом поведя правою рукою жест к сердцу, рту и чelu. Мы им отвечаем немедленно-же, словно старые кунаки - "Аллейкюме селям", и продолжаем свой путь, кто куда идет.

Прельщало их видимо то, что в этакую тропическую жару, когда все европейцы здесь ходят в коротких шортах-штанах, в безрукавках и с пробковыми шлемами - мы же казаки - в черкесках, в папахах, затянутые поясами при кинжалах. Все под серебром. А жара, поистине изнуряющая. А когда искра инду-са-кашевара упала на шапито конюшни - сгорели некоторые слоны, лошади и

среди них один наш конь. Все сгорело, буквально, в пять минут.

Из Бенареса цирк переехал в г. Домбат, потом в Калькутту, где погрузившись на пароход - 2-го мая спустившись по реке Гангу, вошел в Бенгальский залив, направляясь в Сингапур.

Калькутта громадный город. Как и другие города здесь - он имеет европейскую и азиатскую части.. Европейская с Правительственными учреждениями, с памятниками Английских героев, с широкими тенистыми аллеями и парками. Все величественно и красиво. Азиатская же часть не так красочна. Большой крытый базар азиатских изделий и мануфакторы. Много нищих и к удивлению - много прохоженных, здесь же на улицах, выпрашивающих подаяний. Столкнувшись с такими явлениями нищеты - "сказочная Индия" начинала тускнеть в моих наблюдениях.

Пересекши Индию в ея северной части с запада на восток - группа Кубанских джигитов направилась к экватору, неся в неведомыя страны наш Войсковой стяг славы и удальства в седле.

В СИНГАПУРЕ . . .

Пароход в море. Идем ночью. Тишина. Море не шелохнется. Светит месяц. Пароход, разсекая морскую гладь, волнами выбрасывает в стороны золотые молекулы. Жарко и в море и не хочется идти спать в душные каюты.

13-го апреля, на 12-е сутки вошли в Сингапурский порт. Вокруг архипелаг мелких островов и островков, обильных своей свеже-зеленою растительностью. Лес мачт. Военные крейсера. Видны форты. В воздухе кружатся аэропланы. Тщательная проверка паспортов. Всех спускают на берег и только мы, казаки в чересках, еще стоим и ждем своей очереди под палящими лучами солнца. Мы, ведь, беспаспортные... У нас, ведь, Нансеновские паспорта, как не имеющих своей родины... Хозяин цирка вносит за нас денежный залог на обратное возвращение в Европу, что бы мы не оставались здесь, в Английской колонии.

Сингапур громадный город. Сплотные магазины. Населения 500 тысяч, из коих 70% китайцы. Все они торговцы, ремесленники. Много индусов торговцев. Полиция малайская, как коренных жителей Малаи, но власть - Английская.

Жара нестерпимая. Влажный парящий климат нудит Вас. Мокроты не дают покоя даже и лошадям.

Увеселительное время только по ночам. Хотя город живет всю ночь. Много азиатских ресторанов. Танцульки со стройными узкокостными красивыми китаянками "по этикетам". Все они в длинных своих платьях с разрезами по сторонам до самых колен. Тут-же идут спектакли. Китаянки с причудливыми прическами, с веерами в руках, важно прохаживаются по сцене поют тонкими птичьими голосами. Останавливаются. Большой бубен громко ударяет колотушкой и останавливается. Зазвенели, задребезжали тарелки. Этот звук-лязг выражает какое то мифическое явление. Выскакивают китайцы с длинными черными бородами усами и косами /наклеинными/ и своими винкрутасами руками ногами и туловищами - изображают также что то мифическое. Все длится долго, важно и нудно. Уходим разочарованные китайскими сценами.

Ежедневно час времени, для рекламы своего номера, в течении месяца мы искали весь город вдоль и поперек, вызывая любопытство своим костюмом среди местного населения и сопровождаемые целой гурьбой детей - кричащих и писчих от восхищения.

В чересках джигитовать жарко. Пошли цветные гурийки. Вместо поясов - перехватив талию башлыками. Получилось красиво и удобно.

Казачий номер всегда финальный. Вначале выскакивает на лезгику. Теперь танцовщица и я. Бросок к лошадям. Мы в седлах и с диким гиком, наметом, выскакиваем на писту. Для зрителей - это была неведомая им "сказка о казаках".

НА ОСТРОВЕ ЯВА.

Пересекши экватор - 18 мая подошли к острову Ява и высадились в городе Батавия - столице. Это есть исключительный остров-уголок земного шара. Ява, Суматра, Борнео и Целебес, со многочисленными мелкими островами - есть колония Голландии. Были... Ява - наименший из перечисленных, но на нем 40 миллионов жителей. Плотность населения исключительная - 300 человек на квадратный километр. Сплошь малайцы. Китайцев до 4-х миллионов, а европейцев до 200 тысяч. Малайцы, китайцы и др. народы Азии - не являются здесь людьми "второго сорта", как это было в Индии. Все равны, - и голландец колонизатор, и малаец хозяин здешней земли и китайцы. Все мужчины одеваются только в белые длинные брюки, а не до колен, как это мы видели в Индии и на Малайском полуострове. Спокойные и трудолюбивые - малайцы приятны в общении. У них нет "забитости личности", как это мы наблюдали в Индии.

Сплошные рисовые поля, сахарный тростник, кофейные рощи. Кажется - нет и вершка земли неиспользованного и необработанного. Прекрасная водная система для орошения полей. Рисовые поля всегда залиты водой, на какой бы высоте, на склонах гор, они ненаходились бы. Жара же здесь исключительная, к тому же парящая, даже и ночью. Северный берег острова сплошная низина, много гниющих отложений с моря в течении веков. Тело нудит и чешется. А мы в черкесках...

Перешагнув экватор - теперь солнце, в обеденное время, находится на севере, что так странно кажется. Ночь наступает быстро. Небо низко и оно темно-синяго цвета. На нем миллионы ярко мерцающих звезд. Все это было странно и интересно для нас, жителей далекого севера от Явы.

Южная половина острова гористая. На ней 33 бодрствующих буддистских храма и до 170-ти потухших. В горах прохладно и мы спали, даже, под одеялами.

С цирком прошли города - Бандунг, Шерифон, Гегаль, Пекалонган, Семаранг, Магелан и вошли в султанат Джокарта; город Джокука, столица. Красивый богатый город. Все чисто малайскоё. Видели наследного принца, молодого красавца, который со сверстниками, в богатом "саруне"/юбка/, запросто гулял по улице.

На Яве два султана - один в Джокка а другой в Соло, рядом. Цирк в Соло. Мы посетили дворец Султана. У всех дверей сидят часовые, сложив ноги "калачиком". Они в "сарунах", но без рубах. За спиной, за поясом - воткнут национальный нож-кинжал в ножнах. Проходящие двор султана - должны снимать свои рубашки. Это делают и женщины, прикрывая руками свою грудь. Европейцев это не касалось.

Султан Соло разрешил остановиться цирку на его площади, перед дворцом. У него 40 жен и 147 детей. Сам он полный мужчина среднего роста. Первая жена, которую мы видели - с которой он появился в цирке - как все малайки - маленькая, хрупкая.

Наш номер финальный и бывает около 12-ти часов ночи. Было часов 10 вечера. Я в своей палатке-раздевалке. Вдруг прибегает хозяин и тревожно кричит:

Федор Иванович, скорей седлайте коней, т.к. сейчас в цирк приезжает сам Султан... он хочет посмотреть только казачий номер!"

Осадлать коней и одеть гурийки - было делом нескольких минут. Для лезгинки стоим за ширмой. Кони позади нас. Их держат конюхи-индусы. Мы видим против себя, как поднимаются полотнища цирка у главного входа, выбрасываются стулья. Потом слышим странное "пиликание" на местных струнных инструментах старых людей в сидячих положениях на земле и вдруг - тихо вошла в цирк крупная мощная черная машина-авто, продвинулась к самым ложам и остановилась. Казаки выскочили на лезгинку. Машина закрыта. Через переднее окно видим Султана и жену. Они недвижимы и смотрят наш танец внимательно. Вмиг на конь и с гиком в круг цирка, с пиками наперевес. Обскака-

ли три круга с фланкировкой и остановились шеренгой, взяв пики "в руку", т.е. отвесно. Пики с длинными цветными флюгерами, продольно, голубая и желтая полоски. Флюгера чуть колышатся над нервными лошадьми. Красиво. Красив конный строй с пиками.

Наш "казачий номер" начался. Уколы пиками, рубка лозы. Для лозы - четыре станка на кругу, один от другого только на две сажени. Должен быть раз- счет и споровка, что бы срубить все лозы в одну проскачу по-кругу. К то- му-же - "рубка на-лево". На каждой лозине привязаны разноцветные сатино- вые платочки, что бы зритель проследил безошибочный удар казачьей шашки. Незадерживающийся круговой блеск ея над головою всадника и - четыре ло- зины со цветными платочками и с вихрящими листьями, склоненные буквально в пять секунд проскачки по кругу лошади - беспомощно валялись на писте, еще дрожащия от падения.

Пики переданы слугам. Началась джигитовка. Прыжки, волочение, отвалка, вертушки, стоя на подушках, стоя вверх ногами... Оркестр гремит маршем "карьер" под наши номера.... Гик, хлопание бича - все слилось в захваты- вавшее головокружение "казачьего номера". Цирк переполнен только малай- цами. Гробовая тишина. Никто не может, никто не имеет права выражать свое- го восторга, когда здесь находится Сам Султан, которого они и не видят в закрытой машине.

Наш заключительный номер, как всегда. Все лошади выпрыгнули с писты. Оставлен лишь один, под кличкой "Нимбо". Высокий стройный умный немецкий конь. Он дрожит и придет ушами в ожидании того "номера", в котором и он играет некоторую роль, "что-бы всадник не повалил-бы его с ног".

Мы все в кругу. Митро Кривчун уж в седле. Маленький, сухой, жилистый - он был безотказный работник в седле и добрый в жизни человек. Он был со- вершенно неграмотный, что еще больше украшало его душу. Он "мой финлян- дец" и ученик, казак станицы Конеловской Ейского Отдела.

Конь пошел наметом. Кривчун, разсчитав мах коня - быстрым рывком под шею коня показался на противоположной стороне седла. Вновь расчет - и он бросился головою вниз под живот коня. Еще несколько секунд - и он вновь в седле. Но намете, Кривчун соскочил на землю, его конь игриво вы- бросился из цирка, а все мы, прыгну, "на носочках" - выскочили на средину писты, остановились, каблучки вместе и - гладиаторским жестом правой ру- ки, как всегда, приветствовали зрителей, а теперь самого местного Султана и Султаншу.

Велико значение личности. Мы в чужой неведомой стране и так далекой от нашей Родины. Перед нами незначительный Султан по своей власти Гол- ландской колонии; у него мало населения; его "войско" всего лишь один ба- талион пехоты для почета. Солдаты, вследствие тропического климата, ходят "босиком". Султан мусульманин по вере. И вот, и смотря на все это - на все это чуждое нам - мы проявили свою работу с исключительным энтузиазмом.

В цирке, в работе, надо быть всегда бодрым, веселым, отчетливым. Наш ка- зачий номер живой, лихой, короткий. Мы все как на пружинах. И вот теперь, отдав "гладиаторский салют" - резко повернулись кругом и бежим назад.

"Еще раз!" - кричит-приказывает режиссер. Поворачиваемся и бежим к машине Султана. Новый салют. Сквозь переднее стекло автомобиля видим его сияющее лицо и лицо Султанши. Машина дает тихий задний ход, выходит из "шапито", и удаляется. Выступление других артистов, Султан не смотрел.

Хозяин цирка благодарит нас за отличную работу и рассказал, что Сул-тан хотел посмотреть "только казачий номер". Возде, где находился Султан, никто не имеет права сидеть или стоять "выше него", в особенности его подчиненные. Да и видеть его не всем позволительно. Поэтому и потребова- лось "разобрать" часть полотнищ, что бы он в, ехал в цирк в закрытой ма-шине, что бы его не видели малайцы, сидевшие на подмостках цирка "выше него".... Струнны- же оркестр состоял из слепых стариков его придворной

капеллы, встретивший своего Султана Национальным гимном, сидя на земле.

Все это случилось потому, что на Яве никогда не было казаков. Слух же о них был, видимо, велик - вот почему сам Султан решил повидать их в до-подлинности.

Пусть же Войсковат История, в свои Скрижали, внесет и этот случай - как мы служили Родному Кубанскому Казачьему Войску и вне своей Отчизны.

Казачество нужно проявлять и выявлять живым делом, а не одними политическими декларациями и борьбою за власть...

Следующее и последнее выступление цирка было в Сурабае, на восточном берегу острова. Громадный европейский торговый город. Все удобства жизни, но жара - все та-же...

За 4 месяца на Яве - цирк посетил 10 городов. 24-го сентября 1934 г. цирк погрузился на голландский пароход, обогнул остров Мадура с севера, востока и юга, зашел в порт Проболингго, нагрузил в трюм какие-то товары, и 28 сентября взял путь на север, направляясь в Хонг-Конг. Долгими яркими огнями городов светился нам остров Ява, уходящим ночью в море-океан. На душе было, почему-то грустно. Уж больно чиста, красива и благоустроена была Ява. Настоящий райский уголок. Но... экзотическая Азия, как оказалась, была еще впереди нашего джигитского турна. Много новых стран и городов повидали мы, в которых была своя своеобразная прелесть.

НА ПУТИ В ХОНГ-КОНГ И В ХОНГ-КОНГЕ. ТАЙФУН....

На третий день пути - показался остров Борнео. По величине он равен Франции, но местного населения, около 5-ти миллионов. Остров считается диким и мало изследованым, где в изобилии водятся тигры, леопарды, слоны, где существуют дикие племена людей, охотящихся "за черепами", где, как ни странно и жутко - но на жел.дор.станциях висят аншлаги: - "Европейцу не рекомендуется выходить за вокзал".

Пароход причалил к берегу города Баликс-Папан. Сошли на берег. Кругом горы и девственный лес. Масса нефтяных белых цистерн. Большое пчеловодство. К вечеру пароход двинулся в Хонг-Конг, между островами Борнео и Целебес.

По Макассарскому проливу, миновав восточное побережье - вошли в английскую полосу северо-восточных владений. Пароход прошел один из мысов в непосредственной близости. Могучий лес. Сплошные горы. Но на пригорке, на разчищенной площадке - домик и радио-станция. Англичане и здесь, верные своей политике - все связали сообщениями своих могущественных владений Великой Британии.

Шли монотонные дни в море. Справа и слева начали встречаться мелкие острова Филиппинского Архипелага. Пронеслись слухи о движущемся "тайфуне". На ише счастье, он прошел впереди нас и мы попали, как здесь говорят, "в хвост тайфуна". Но... "спасибо и за это". Наш пароход в 12 тысяч тон, нагруженный до отказа, бросало как щепку. И это не были волны, в нашем понимании - то шли водяные глыбы, которые то поднимали груженый пароход на свои вершины, то бросали его в образовавшиеся водяные ямы. Казалось, что он не вынернет из нея и пойдет прямо на дно океана...

З-й класс был залит водою. Волны перекатывались через палубу. От страха рычали звери в клетках, визжали слоны скованные цепями, бесновались обезьяны. Смерть всем была страшна. И так ровно двое суток ужасной качки.

5-го октября ст. стиля, в День Войскового Праздника, пароход вошел в Хонг-Конг. Население сплошь китайское. Мужчины и женщины в одинаковых черных курточках и черных широких штанах, чуть выше колен. На голове широкая тростниковая шляпа и от солнца и от дождя. На ногах деревянные цлепанцы. Все китаянки с длинными толстыми черными косами ниже поясницы. Это рабочий класс. Много детей. Красные лица с нескрываемым любопытством

со всех дверей, со всех окон, со всех щелей устремляются на вас, а гурьба детей, и криком и визгом, назойливо сопровождает нас, Кубанских казаков, как необыкновенное видение. По контракту - ежедневно, верхами, один час времени, мы должны проходить главные улицы для рекламы. И этак, в Хонг-Конге - ровно 45 дней в чересах и папахах.

Хонг-Конг беспошлины город Великобритании. Власть здесь их. Тут-же, среди сотен мачт китайских джонок - военные крейсера англичан. А на холмах, не скрываемые от жителей - орудия на бетонных площадках.

Военная полиция и войска - красочные индусы - высокие, смуглые, красивые. Вне службы, по городу - они в белых длинных кителях, в белых широких шароварах до пят. На головах пышная белая чалма с золотой маковкой. На некоторых, поверх широких белых рубах до колен - нежного голубого цвета жилетки-безрукаки. Идет взвод их - так словно стадо лебедей плывет. С европейской выпрямкой, стройные, молодецкие и, видимо, довольные своим положением. Все на них чисто, аккуратно. У них казенные прачки.

Целая сотня прибыла в цирк под командой своего фельдфебеля. Я снялся с нею. Почти все на голову выше меня ростом.

Тут-же чисто английские солдаты - упитанные, чистые, пощеченные, отлично экипированные, умно, хорошо идут в ногу, словно наши юнкера. И видно - знают цену и гордятся своей Великой Британской Империей.

Да... только соприкосновение с действительностью, дает наглядное представление - как ценно в мировой политике значение наличия Великой Державы.

Мы на Дальнем Востоке. И как подтверждающий факт - в Хонг-Конге встретили до 20-ти Забайкальских казаков. Все они служат на скаковом поле, тренируя монголов и австралиек. Последние - высокие, тонконогие, красивые и стройные, словно серны. Забайкальцы дохнули на меня былыми годами юнкерских лет в Оренбургском казачьем военном училище 1910-13 годов, в котором юнкера всех Казачьих Войск - жили служили и учились в одной казачьей семье. Отсюда пошел в связь с казаками Шанхая, Харбина и с атаманом Г.И. Семеновым, с которым пробыл в училище один год. Он выпуска 1911-го года, вместе с полковником В.Д. Гамалий. Они очень дружили между собою. От Семенова дружеские письма. В них он просит держать с ним связь, т.к. "события назревают" - подчеркивал он. Все это было приятно, а когда имеешь еще "порох в пороховницах", как единственный светильник в нашем безправном положении - то это было в особенности ценно. Мы, ведь, неперевели "ждать весну" для нового похода на красную Москву...

Но пришел конец и Хонг-Конгу, этому величественному и богатейшему торговому городу с умеренным климатом и с Забайкальскими казаками...

19-го ноября мы вновь на пароходе и двинулись назад, на запад, во Французскую колонию - Индокитай. И долго в бинокль рассматривал я все те же высокие скалистые холмы Хонг-Конга, но уже со стороны моря, на которых глядили на нас жерла великанов, готовых по мановению твердой руки властителя сих мест - встретить наступающего огнем....

В ИНДОКИТАЕ. КОРОЛЕВСТВО КАМБОДЖА.

После 3-х суточного перехода морем - вошли в порт Хайпонг, провинции Тонкин /по-французски Тонкэн/. Индокитай имеет пять частей, из которых три являются колониями - Тонкин, Кошина и Лаос - и два королевства - Аннам и Камбоджа. В Аннаме Император, а в Камбодже Король. Оба эти правительства находятся в полной зависимости от французского генерал-губернатора, но имеют свои дворцы, свои штаты придворных. Оба они с французским образованием.

Территория Индокитая почти в полтора раза больше самой Франции, населения же - 20 миллионов. Почти все население говорит по-французски.

Следующий город Ханой. Это есть столица всего края, в котором живет Французский генерал-губернатор. Только центр его чисто европейский, весь же остальной город - туземный. Приятное знакомство с французами, всегда любезными; достаточное знание языка - порадовали душу. Через месяц работы в этих 2-х городах - плывем на юг, в Сайгон. Рождество встречаем обливаясь потом.

Сайгон - центр южного Индокитая. Красивый нарядный город. Жизнь бьет ключем в нем. Новое приятное знакомство с французами и россиянами здесь.

Следующий наш этап - королевство Камбоджа. В ее столицу Пном-Пен, плывем по реке Меконг ровно двое суток. Местами река так широка, что два можно видеть берега. Мелькают деревушки на сваях от разливов. Все бедно, примитивно. Но вот и столица королевства. У берега дворец, окруженный высокой каменной белой стеной. Все постройки дворца с крутыми крышами, в конце с изгибами вверх - "от злых духов". Главный вход во двор охраняется королевской стражей. На нижелтоватого цвета кителя, штаны, обмотки, а дальше - все они босые, т.к. жарко. Кроме покоя короля - вход свободен для осмотрера. Тронная зала. Высокий золоченый трон под желтым шелковым балдахином, в виде суживающихся к верху девяти зондов, со шпилем наверху - эмблема Королевской власти. Никакой другой мебели, т.к. при короле никто не имеет права сидеть.

А вот "серебрянная пагода"/церковь/, пол которой устлан серебряными пластами. В центре ея - золотой Будда весом в 120 килограмов чистого золота, окруженный очень многими мелкими его же изображения из слоновой kostи, горного хрусталия - дары Камбоджийской знати.

У наружной стены большое открытое здание для королевских танцовщиц. Город чисто азиатский и в нем было скучно.

Следующий город Баттанданг. Цирк остановился почти рядом с духовной семинарией бонз. Для учащихся - деревянные сараи-казармы. Все они в ярко-желтых хитонах до пят и с бритыми головами. С утра и до вечера слышится их молитвенное бормотание: -то они учат Богословию.

В КОРОЛЕВСТВЕ СИАМ.

22-го февраля 1935 года, по железной дороге, цирк выехал в Сиам. По пути, с женой и семьей француза-артиста - посетили знаменитый Ангкорский Храм, несколько веков тому назад, затерявшийся и заросший в джунглях. Это не был только Храм, - то была резиденция короля кмеров, целый город, город Храмов, на несколько десятков километров в окружности. Теперь все это является мифом среди населения. И как миф - совершенно случайно нам представился быт и видеть представление королевских танцовщиц Камбоджи на фоне этого величественного храма в запустении, при лунном свете и при факелах. Да, то был поистине миф.

Камбоджийцы и Сиамцы - это один и тот же народ, но с течением времени, обосновавшись в разные Государства. Те же лица, та же религия, тот же уклад жизни, те же уродливые костюмы. Но здесь более оживленные поля, а дворики окаймлены деревьями. Дома на сваях, но прочные, досчатые и много крытых цинком. Виден достаток крестьян. У хуторов группы могучих длиннорогих буйволов. Это есть рабочая сила крестьян. Буйволы свирепы, злы и нам рекомендовали не приближаться к ним, т.к. они "нападают на благо человека".

К вечеру этого дня мы уже были в столице Сами - г. Бангкок. Большой европейский вокзал. Много такси. Громадный город, раскинувшийся на много десятков километров со своими дачами. Река пересекает его на две части. Здесь и гавань, даже с военными кораблями. Много арыков, которые служат водными сообщениями для жителей во время приливов. Много испарений, почему жара исключительно неприятная.

Сиам - независимое королевство и древнейшая нация. Королевский дворец - верх восточного искусства и какой-то таинственности. Весь он в золоченных шпилях, высоко и божественно тянувшихся к небу. Дворец - это большой квартал, окруженный высокой белой зубчатой стеной. На углах башни с бойницами. Все вместе взятое - впечатление крепости.

Против дворца - военное министерство. У входа в него - взвод солдат сидит "на-готове" - с винтовками между ног. На них европейское обмундирование и.. чисто русский фуражки.

Ввиду политических событий - власть в столице строгая. В день нашего прибытия - на улице был ранен военный министр.

Вход во дворец по специальным письменным разрешениям. Вошли и мы. Чеческа имела свое влияние. Позволили быть и при кинжале. Карабул любезно пропустил во внутрь. В приемной дворца нас встретил какой-то важный чин. Объяснились по-английски. Нам был дан чиновник-проводник. Мы в тронном зале. Он пуст и не уютен. Никакой мебели. Все как и в королевском дворце Камбоджи.

У стены лежит громадных размеров толстый ковер, свернутый рулом "до следующей коронации", как обяснил проводник. В зале ничего особенного. Кругом голые стены. Даже скучно от всего. Заметив наше разочарование, провожатый добавил, что - "залу этому 150 лет".

Позади трона, за перегородкою, небольшая зала с троном для королевы. Проводник ведет нас в королевскую пагоду /ударение на "А" - церковь/-святое святых дворца. Входящий в нее сразу падает ниц и возносит молитву. Мы, конечно, этого не делаем.

В глубине храма-зала высокий золоченый алтарь, весь в резьбе и украшениях. Он уставлен целями дарами - многочисленными золотыми фигурками Будды. Пирамидальный алтарь достигает до самого потолка и завершается статуей Будды в пол-роста человека, выточенного из чистого изумруда.

Вас приятно пьянят благоухающий залах всевозможных цветов, пребывающих здесь всегда. Преобладающий запах священной туберозы.

Что бы подчеркнуть все величие королевской кумирни - церемониймайстер распорядился дать электрический свет. При удачно падающем свете - изумрудный Будда засиял перед нами всем своим великолепием драгоценного камня. Впечатление и красота были, поистине, Божественные. Подобное действие на верующих буддистов, в особенности простых азиатов - должно быть исключительно по силе их духовного воображения. Восток умеет приподнести чары и силу неземной власти Будды.

Нас повели по двоину, окружающему храм. Вдоль террас-стен - ряд символических великанов, словно часовых, охраняющих его от злых духов. В пять человеческих ростов, да еще на высоком, в рост человека, пьедестале, с обратительными злыми лицами-масками, в чешуйчатых костюмах-воинов, с мечами-оглоблями в руках - они производят устрашающее впечатление. Хочется бежать от них...

Во всем облике дворца и пагоды - много богатства и мишурности, давящих на вас показную сторону и нагроможденностью. Быть долго здесь становится тяжело. Все это давит вас. И жить в подобном дворце, изолированном от внешнего мира, окруженного стеной, с тягостным дворцовым этикетом, как например - подползание всех "на караках" к трону, даже и принцессам - думаю - не легко.

Мы были в столице Сиама тогда, когда король Праджадипок, проживавший в Англии, отказался от трона в пользу своего племянника, малолетнего принца Абанда Махидол, воспитывавшего в Швейцарии.

Интересная деталь: - королем должен был стать другой принц-племянник, но он не чистокровный сиамец. Мать его русская. И национальное Собрание предпочло передать корону 100%-му принцу-сиамцу.

В Сиаме конституционная монархия. Водружение ея произошло с человечес-

кими жертвами. Войска, находившиеся в провинции, шли выручать своего короля. У подступах к столице произошел бой. Король Праджадипок невыдержал борьбы и "младосиамцы" восторжествовали. Король согласился на ограничивающую его власть. Но когда Собрание посягнуло на его верховные прерогативы, как право помилования - он отказался от власти и выехал из Сиама.

Во всех странах, нами посетивших, есть русские эмигранты. Немного, но есть. Были они и в Бангкоке. Конечно, они посетили цирк и познакомились с нами.

В Бангкоке проживал с семьей юрист Крашенинников. С женю, Инной Яковлевной, гостили у него.

"Хотите познакомиться с принцем Тюнгтикоп? Он женат на русской и сам хорошо говорит по-русски" - вдруг предложил он. "Я его личный адвокат, запросто бываю в доме и могу устроить свидание с ним. Его жена дочь русского генерала в Петербурге, где он с нею познакомился будучи в Пажеском корпусе и женился на ней" - добавил он.

Узнав от него все то, что описал выше о Королевской семье - я дал согласие. Он тут-же позвонил по телефону и нас они ждали в тот-же день.

По словам Крашенинникова, принц Тюнгтикою есть дядя отрекшагося Короля, но они с ним почти сверстники летами. В 1900х годах он окончил Пажеский кадетский корпус и служил офицером в Лейб-Гвардии Конном полку. Вернувшись в Сиам - был начальником Кавалерийской дивизии и потом, за сочувствие к отрекшемуся Королю - был уволен с военной службы. Вот еще то, что рассказал он мне.

Мы в гостиной у принца. Разматываем крупные фотографии коронации, украшающие стены. Принцессы, целою вереницею, словно муравьи, опустив глаза долу - на четвереньках ползут к трону, на котором сидит Король. Разглядывать другие фото не пришлось, т.к. вошла к нам интеллигентная европейская дама-блондинка в скромном сером платье, запросто поздоровалась за ручку с Крашенинниковым. Тот представил меня. Это была супруга Принца. Поцеловав ручку - она немедленно же пригласила за стол, на чай. Все вышло так мило и запросто, что я был удивлен и никак не мог ее титуловать - "Ваше Высочество". Извинилась, что она стала забывать русский язык. Говорила-же она чисто. - быватель-

"Так редко приходится с русским и... в семье говорим, ведь, только по-сиамски! Дети уже взрослые и... сиамцы. Старший сын, вот, охотится с ружьем в джунглях и я так боюсь за него!" - словно определяя возраст сына, как бы вскользь произнесла она.

"Новое Правительство несправедливо к мужу... отстранила от должности начальника дивизии, а пенсию назначило малую. Детей много, все учатся. Двое в Париже. Приходится помогать мужу. Сейчас я даю уроки французского языка в сиамской гимназии" - добавляет в миноре.

Раздвинулась ширма и в дверях показался маленький человек в белом кителе с золотыми крупными пуговицами и в своих уродливых синих штанах-юбке, перехваченой жгутом спереди, пропущеном между ног и заткнутом позади за пояс. На ногах белые чулки до колен и в черных лакированных ботинках. Это есть цивильный костюм богатых сиамцев, Ф. Е. Смуглое лицо, небольшие черные круглые глаза. Бритая борода и короткие подстриженные черные усики. Вшел и остановился в дверях.

"Это мой муж" - спокойно произнесла она. Немедленно поднявшись со стула, подошла к нему /я был в белой черкеске/ и произношу:

"Русской Императорской Армии Полковник Елисеев, Кубанский казак". Принц мягко улыбнулся, подал руку и мы вместе последовали к столу.

После некоторых любезных фраз со стороны Принца - разговор сразу же перешел в ту плоскость, как обыкновенно говорят кадровые офицеры одним общим языком, хотя и не были раньше знакомы между собою. Он совершенно чисто говорит по-русски. Говорили о прошлых годах Императорской России, а главное - о русской коннице. Принц подтвердил слова своей супруги, что он окончил в С-п-Петербурге Пажеский кадетский корпус в 1900-х годах и вышел корнетом в Лейб-Гвардии Конный полк.

"Кстати сказать - со мною окончил корпус Ваш Кубанский генерал Шатилов" - внес он фразу. /Он сказал о генерале Шатилове, бывшем начальнике штаба Русской Армии в Крыму генерала Врангеля/.

Он охотно рассказывал о былом. Окончил в Петербурге Офицерскую Образцованную кавалерийскую школу, начальником коей тогда был генерал Брусилов. Сам он - генерал Сиамской армии, командовал полком, потом кавалерийской дивизией, был Инспектором кавалерии и был новатором в своей Стране, подводя кавалерию "под русские порядки", как сказал он. Потом, усмехнувшись, добавил:

"У нас лошадей кормили свежею травою. Травы ведь много и весь год. Коны были толстые, с разбухшими животами, а силы не имели, поэтому я ввел сено. Никто не мог понять - к чему это? К чему ненужный труд "готовить сено, когда травы в изобилии?" - говорили мне. Но я настоял, и у нас появилось сено" - сказал и вновь улыбнулся.

По новой конституции, как сочувствовавши отрекшемуся Королю - был удален от всех дел и попал "в опалу". Она висит над ним и теперь. Упрекал отрекшагося Короля "в слабости" по уступки власти. О России вообще, и о своей военной службе в Петербурге в конной гвардии - вспоминает как о дивном видении и неповторимом... Сказал и смущился слегка при этом, видимо стесняясь - и бедности своей страны и того, что он теперь не у дел, придавленный новою властью. Думаю, смущился он еще потому, что после блестящей формы Российской гвардейской кавалерии, лично бывший на аудиенциях самого Российского Императора - теперь он, Принц Королевской крови, был без дела, одет в обыкновенный сиамский костюм, так уродливый в своих штанах-юбке....

- * -

Бангкок - громаднейший город. Есть одна линия трамваев. Такси, рикши. Но сообщение по городу медлительное и долгое, поэтому цирк работал в 2-х местах. Последние недели на очень большой площади - поле. На что я обратил внимание, так это - на ней, весь день, дети и взрослые сиамцы "пускали бумажного змея", как и у нас на юге. Их были сотни - большие, в красках, с различными комбинациями структуры. Все небо было в летающих змеях. Это был своего рода спорт.

За 45 дней пребывания в столице Сиама, в изнуряющей влажной жаре, много пота пролили Кубанские джигиты, и в работе и в рекламах, из, ездили весь город вдоль и поперек, обязательно в обеденное время, когда солнце пекло немилосердно. Духота была и ночью. Наш номер короток, не больше полчаса. Он шел непрерывной цепью одного джигита за другим. В ожидании своего выступления за следующим джигитом, казалось, была и передышка. И несмотря на это - наши кони были "в мыле", а мы - словно выкупаны в воде от пота.

В работе устали не было, а если бывало особенно жарко, то тем более пылко бросались в круг, что бы скорее закончить свой номер.

6-го апреля 1935 года, погрузившись на пароход, цирк двинулся вновь на север, в Великий Шанхай. Все плыли с радостью, т.к. там была очень большая русская колония, а для нас - Казачий Союз Сибирских Войск, с которым мы уже вошли в письменную связь.

Когда-то слышал, что в Сиаме есть королевские белые слоны. Мало верилось... но мы увидели единственного такого "белого слона" в королевской конюшне, как все слоны, на цепи. Он чуть меньшего роста, чем остальные. Действительно - на нем белые волосы-шерсть, не так густы а под ними - розовая кожа слона.

Есть, видели и белого буйвола. На нем также редкие волосы выползли из розовой кожи-тела буйвола. Но - "белые слоны и буйволы" - исключительная редкость. Может потому они и называются "королевскими"?

В ШАНХАЕ... КАЗАЧИЙ СОЮЗ.

Из Бангкока, наш пароход отчалил 6-го апреля - в Шанхай прибыл 18-го. 12 дней пути без остановки.

Пароход вошел в широкое русло мутной реки Вампу, на левом берегу которой раскинут Шанхай. Вся река запружена торговыми пароходами и военными крейсерами Америки, Великобритании, Франции, Японии и других стран. Шанхай - город концессий - Великобритании, Франции и Японии. Моросил мелкий дождь. В воздухе полумгла. На пристани тучи китайских рабочих - кули по здешнему. Все в ватных темносиних стеганых куртках и штанах. Впечатление от всего скучное...

Выгрузившись - цирк разместился на границе Французской и Британской концессий, рядом с обширным рейс-корсом /скаковое поле/. Все артисты сняли номера на Французской концессии, на которой проходила почти вся Русская колония, насчитывающая в своих рядах до 30-ти тысяч. Вся эта масса людей была из Сибири, главное - из Армии адмирала Колчака.

Еще до открытия представлений - мы бросились в Казачий Союз. Он имел свой дом на рю Валлон. В него входили станицы - Оренбургская имени Атамана Дутова /самая большая из всех/, Забайкальская, Сибирская, Енисейская и Сводно-Донская, которую составляли Донцы и Кубанцы.

В столовой, перед сценой - стоял Атаман Ермак Тимофеевич с палицею в левой руки, с булавою, как оружием, в правой опущенной руке. На голове шишак. Он выточен из дерева в полтора роста человека. Войдя в столовую - первым в глаза бросается он - твердый, могучий, со строгим взором на входящего.

Здесь у казаков, и собрания, и вечера, и Войсковые Праздники. Все несут свои деньги при всех случаях в свой Казачий Дом. Председателем Союза тогда состоял Оренбургского Войска полковник Д. В. Кочнен.

Что интересно было в этой организации, так это: - над Правлением Союза был еще "Совет Старшин". В него автоматически входили все Казачьи генералы и старые полковники, не занимавшие должностей в Союзе. Правление Союза, перед решением некоторых вопросов - представляло их на рассмотрение этого Совета Старшин, с которыми очень считались ввиду их житейского опыта.

Скоро настал день Святой Пасхи. Потом Праздник Оренбургского Войска 23-го апреля. Потом праздник Енисейского Войска. Мы были среди них. Простота, скромность и братское взаимоотношение. На Войсковых Праздниках многие в своих лампасах, при погонах и орденах. Так они появлялись на главной улице Французской концессии, Авеню Жоффр /Маршаль Жоффр/. На Войсковых Праздниках только свои казаки. Никого из посторонних Казачьей организации.

Что меня, вначале, удивило, а потом очень понравилось, так это: - старших они называли не по-чинам, а - "брат-полковник". Так они называли и меня.

Шанхай богатейший международный торговый город. Много складов разного товара. Магазины, рестораны,очные "снабженческие" клубы... для иностранцев.

Французская концессия - это почти чисто русский город. Все вывески на русском языке - рестораны, лавки, магазины, парикмахерские и пр. вплоть до таки вывесок, как - "гадаю на кофейной гуще"; "здесь стрижка и бритье" "точение бритв и ножей" и - "вот стекла починяю!" - кричит стекольщик...

В Шанхае выходило две ежедневных газеты - Шанхайская Заря и Слово. Издателем последней был наш кабардинец Алтадуков.

Имелся Православный Собор и несколько церквей. Отличный Офицерский клуб с садом. Имелось три или четыре манежа для обучения езде, лошади на прокат, тренировка лошадей для скачек и для игры в "поло".

Жизнь в городе кипела ключом. Русские и казаки служили везде, где было возможно. Надо было знать языки, даже и китайский, что бы получить хорошую службу. Основной же язык должен быть английский.

И вот, несмотря на окружающее богатство - громаднейшее большинство русских жило бедно и нуждалось, т.к. конкурировать с китайским рабочим, при их скромной жизни и питании только рисом - не приходилось.

Наше появление на улицах Шанхая, в особенности на Французской концессии, всегда заполненное соотечественниками - произвело сенсацию. Здесь черкеску редко кто видел. А мы еще на конях, положенный час для рекламы. И так - ровно 70 дней с 18-го апреля до 30-го июня 1935-го года.

В Шанхае существовал "Терский казачий хор", под управлением Машина. В нем ни одного казака. Одеты в черкески. Почти все офицеры. Отличные голоса. Хор нуждался. Просили нас... и мы уговорили хозяина цирка, умного и доброго человека Ф. Я. Исако - устроить им в цирке свой "юбилейный день" /что бы заработать, Ф. Е./. Программа хора включена была в наш номер - пение, лезгинка, а потом мы в джигитовке. Посмотреть казачье представление в 30 человек - заполнило все места в цирке. Об успехах, но скромности, не буду писать.

Потом мы уплывали в Сингапур. Как нас проводали?!. . Сохранились снимки. Много казаков и казачек. Печальные у всех лица - словно окончилась дивная для них сказка.

В СИНГАПУРЕ И НА МАЛАЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ. ПОСТАНОВКА В КОЛОНИАЛЬНЫХ ВОЙСКАХ БРИТАНСКОЙ АРМИИ.

До Сингапура плыли 12 дней - с 30-го июня по 12-е июля. Драма в пути. У сотника К. И. Барагунова умерла дочка, родившаяся на Яве. По морскому закону, умершие на пароходе, погребаются в море. Родители в ужасе. Капитан парохода, видя это, пошел на компромисс, отметив в своем журнале, что дитя умерло в тот день, когда его пароход должен подойти к Сингапуру, где ее и похоронили.

Сингапур уже описан мною с его "чарами" и изнуряющей жарой. В нем цирк работал ровно один месяц и по железной дороге, передвинулся в Куала-Лумпур, в столицу полуострова. Это Федерация Малайских султанов, под протекторатом Великобритании. Мусульманский мир. Город на равнине. Оригинальные здания в в Мавританском стиле. Чистота и порядок. Тишина. После Шанхая и Сингапура - словно отдых.

Через две недели, следуя на север, цирк работал в г. Ило, потом в Тайпинге - в каждом по две недели. И здесь все тот же Мавританский стиль, тишина и порядок.

19 сентября прибыли в город Пенанг, на островке того же названия. Город раскинут в нарядной пальмовой роще. Чистота в нем исключительная. На улицах ни единого животного. Даже нет и собак. Ввоз животных сюда запрещен. Дивный парк. Громадный бассейн-аквариум для черепах, размер некоторых в попечнике один метр.

-Английского-

С материка, что бы посмотреть казачью джигитовку, прибыл командир пехотного полка подполковник Гриир. Сам представился нам. Знает немного русский и французский языки. На завтра зовет в гости к себе меня с супругой. На противоположной стороне проливчика - ждет со своей машиной Ролс-Ройс. Шофер у него - солдат-туземец. 20 километров прошли незаметно и в, ехали во двор-цветник, посреди которого длинно раскинут дом-дворец в 17 комнат.

Это есть казенная квартира для командира полка. Представил нас своей супруге. Она отлично говорит по-французски; моя супруга так-же; и дамский разговор "полился рекою"... Своеевременно и незаметно вошел "некто" в белом; весь его костюм разшит галунами; на голове густая белая чалма с золотым конусообразным верхом и... босиком. Сложив руки на груди, он низко поклонился от пояса. Мадам Гриир что-то тихо сказала ему и тот, вновь приложив руки к груди - спиной вышел от нас. Через несколько минут, на широком подноссе, он принял виски-сода, поставил на низкий столик между нами и молча, спиной к двери, вышел от нас. То был индус "мажордом", т.е. - заведывающий всем домом. Потом мы ужинали и остались ночевать у них.

На утро он показывает мне казармы полка, быт солдат, питание и пр. По пути говорим о многом, главное о России, об армиях Русской и Английской. Одно время, молодым офицером, он был при Ставке Адмирала Колчака. Я-же, интересуюсь их армией. Его полк туземный, состоит исключительно из племени "гурки", живущих недалеко от Гималаев. В их армии это племя считалось очень воинственным и верным Великобритании. Ведет меня в казармы. Двуярусные одиночные кровати. Все с москитниками. Солдаты небольшого роста, но кряжистые. Отчетливо, по команде, встретили его. Было обеденное время. Принесли котлы с рисом, мясо с дивным пахучим манящим наваром. Всего больше чем следовало. Солдаты одеты чисто, во все защитного цвета. Фетровые шляпы с пером одеты чуть на-бок, как и одно крыло шляпы задористо приподнято вверх. Все на них чисто и гладко выглажено. Не удержавшись, я спросил:

"Когда же они успевают чистить свои мундиры и выглаживать так тонко, в особенности шляпы?"

"Они этого не делают... у нас в армии казенные прачки и солдат все получает готовое".

В душе мне стало стыдно. Я вспомнил, как наши солдаты и казаки, сами стирали свое белье и одевали его неглаженным. Да и как стирали? В особенности на фронте?... холодную воду в речке и, порою, без мыла...

Говорим о наборе цветных войск, т.е. индусов всех племен для их армии.

"Все у нас по-контракту на пять лет. Все казенное. Плата - 15 рупий в месяц / один фунт равнялся 13-ти рупиям тогда, Ф.Е./. Прослужив пять лет, по желанию подписывают новый контракт. Прослужив 15 лет, хорошо изучив английский язык и скопив одну-две тысячи рупий, получив несколько медалей - он возвращается в свое село, открывает лавочку иль другое предприятие и сельчане считают его богатым человеком, образованным и, даже, джельтменом. Вот почему они и дорожат службой в армии".

Подбежал командир роты, лейтенант-гурку. Он отчетливо щелкнул каблучками и взял руку под-козырек. Назвав его по фамилии, иль имени - Гриир подал ему руку и представил меня "в белой черкеске". Заговорили об офицерах-индусах, когда отошел лейтенант.

"Весь младший состав офицеров - индусы. Выше чина подполковника они не могут быть, но - всякий офицер-англичанин, в каком бы чине он не находился - является всегда старшим над офицером-индусом, чин которого был бы, хотя и меньший" - закончил он. Мне это не понравилось, но я не сказал Грииру свое мнение.

Тут-же бараки и для семейных солдат. Я хочу сняться с солдатами, идущими в отпуск в своих цивильных национальных костюмах - белые рубашки с китайскими застежками, белые закрутки на головах и в черных широких штанах до-пят. В руках у них аршинные тросточки с медным набалдашником и медным наконечником. Это есть эмблема отпуска солдата, а может быть и холодное оружие для защиты... У меня автоматический фотографический аппарат. Внстроив пять солдат - прошу Гриира присоединиться к ним со мною "для памяти". Он сконфузился и тихо произнес: - "в нашей армии престиж непозволяет сниматься вместе английскому офицеру с солдатами-инду-

сами. Мне это так-же не понравилось.

Хочу снять их жен. Солдаты-гурки соглашаются. Вышли из барака семь женщин. Типичные монголки. Небольшого роста. Черные кофточки с длинными рукавами и юбки ниже колен. На них какие-то рисунки. Три в черных папахах, как у казаков. Остальные - гладкая прическа на обе стороны, заканчивающаяся позади косами. На шее, до самых плеч - крупные белые манисты, видимо костяные. От них, до живота, тянулись в 2-3 ряда таких круглых мелких кости. Общий вид - что-то шаманское. На лицах нет ни улыбки, ни радости, ни удивления, а - мертвые лица.

"Можно ли и мне сняться вместе с ними?" - спрашиваю их коменданта полка, подполковника Гриир.

"Нет... у них женщина в загоне.. и мужьям это будет неприятно" - также тихо сказал он. А их снял в трех картинах, на фоне их казарм. Все это хранится у меня в альбоме.

"Коварный-ли Альбион?" - как принято характеризовать англичан. В деле работы для своей Страны, в постановке всякого вопроса для пользы Великой Британии - это похвально. Столкнувшись в этом джигитском турне со многими англичанами, военными и штатским, я видел только их корректность,держанную гордость и личное достоинство.

В цирке работала труппа китайцев. Все они отлично говорили по-русски и по-английски; хорошие, добрые и красивые ребята чуть выше 20-ти лет от роду. Любли и удовольствия. И вообще, на востоке, они себя держали как бы на своей родине. Узнав, что есть купальный бассейн на той стороне острова Пенанг - на "Ферри-бот" переплыли туда и выкупались. На 2-й же день их не пустили и они попечевались мне - "почему, дескать - не пустили?" А спросил об этом подполковника Гриир и он мне ответил:

"Это бассейн наш, для европейцев... и мы не желаем, что бы восточные люди видели бы наших жен, Леди, в купальных костюмах". В душе я с ним согласился, уже познав психологию многих восточных народов. Потом я купался там-же с Миссис Гриир и с Мистер Гриир, и сняты вместе в купальных костюмах. Оба они рослые, подтянутые, Миссис-же Греер, к тому-же чопорная, отлично сло ена, чуть склонна к полноте. Явно, такая полуоголенная фигура делала "масляные глаза" у всякого восточного человека, женщины которых худы, желто-черны и примитивны.

Мы с женой среднего роста, но чета Гриир - ровно на голову выше нас ростом. В альбоме запечатлены мы вчетвером в нескольких видах.

Чета Гриир приглашает нас на обед в один фешенебельный английский ресторан, но просит быть обязательно в черкеске. Жена была сильно больна, почему я мог быть только один. Ресторан на берегу моря. Белизна сервировки исключительная. Вся прислуга китайская. И только что мы вошли втроем, как симфонический оркестр человек в 30 китайцев, одетых в белые куртки, в синие широкие шаровары до щиколоток, потом белые носки и грудные суконные туфли /типичный наряд зажиточных китайцев, Р.Е./ - встретил нас каким-то русским мотивом. Мы обедали часа два времени. И оркестр играл безперестанно только русские вещи и играл правильно. Я был удивлен.

"Почему это?" - спросил я подполковника. Он улыбнулся и ответил:

"Это наш полковой ресторан. Все офицеры, приезжая в Пенанг, кушают только здесь. А вчера я протелефонировал, что с нами будет обедать с супругой полковник Российской Императорской Армии, к тому же казак, почему, во время нашего пребывания - ресторанный оркестр радовал бы его только русскими музыкальными сочинениями".

Наш цирк морем двинулся на Бирму, в столицу Рангун. Жена должна ехать во Францию за сыном, Георгием. Ея пароход отходит после нашего только через несколько дней. Она осталась ждать его в китайской гостинице, в которой мы жили. Узнав об этом, Гриир прибыл к ней и настоятельно уговорил ее немедленно переселиться к нам до отхода парохода, т.к. по их

мышлению - "одинокая европейская дама никак не может, и не должна, оставаться в китайской гостинице".

Жена моя, Инна Яковлевна, согласилась с их доводами и подполковник Гриир тут-же взял ее с собою и перевез к себе.

-отведена-

В их командирском доме-дворце ей была спальная комната, гостинная и приставлен специальный слуга-индус.

Гриир замещал своего командира полка, который был в отпуску в Японии. И вот, когда он вернулся - считал своим долгом, со своею супругою, сделать визит жене полковника Российской армии, Миссис Элизэ - как они произносили нашу фамилию.

Был общий ужин, а на тройной день, супруга командира полка, прислала ценный подарок, и письмо, в котором было написано:

"Супруге полковника Российской армии, от супруги полковника Британской армии".

Все это было исключительно приятно и интересно. Традиционная Англия. О ней напишу и еще, пробыв весь 1936-й год в Индии и по многим городам.

Вообще - при всех встречах, знакомствах и наблюдениях - я никак не мог найти у англичан, этого, как говорят - "коварного Альбиона". /Альбон - древнее название Великобритании, Ф.Е./

Английский государственный деятель 18-го века, Вильям Питт, высказал определение, безусловно, о своем народе, следующими словами:

"Что определяет силу нации?"

Задав вопрос - отвечает:

"Мужество, уверенность в себе и сознание собственного достоинства, непозволяющее ей опуститься до бесчестия. Одним словом - характер, который не может ни стерпеть оскорблений, ни нанести его".

Великая, глубокая истина - добавим от себя.

Полковник Ф.Е л и с е е в.

Сентябрь, 1965 г.
Нью-Йорк.